

Александр Сиваков

День восьмой

Том первый

Александр Сиваков

День восьмой. Том первый

«Издательские решения»

Сиваков А.

День восьмой. Том первый / А. Сиваков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850012-1

Простая, в общем-то, история, как обычная православная семья берёт на воспитание двух детей из детского дома. Хотя действие романа заканчивается в ночь перед Рождеством, красивой рождественской сказки с однозначно-позитивным концом не получилось. В целом история вышла скорее грустная, чем весёлая.

ISBN 978-5-44-850012-1

© Сиваков А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. День восьмой. Январь	6
День первый. Ирина и Вика. Апрель	14
Глава 1	14
Глава 2	16
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

День восьмой Том первый

Александр Владимирович Сиваков

«...и почил в день седьмой от дел Своих» (Библия, Бытие, 2:2)

© Александр Владимирович Сиваков, 2017

ISBN 978-5-4485-0012-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. День восьмой. Январь

Девчонки устроились на бетонной тумбе, которая стояла перед въездом на школьный двор. Мимо, размазывая по асфальту грязный снег, проносились автомобили. В воздухе стоял стойкий запах гари и бензина.

Анюта вертела в руках тонкую сигарету. Курить она не умела и не любила, но нужно было как-то поддерживать статус самой крутой в классе, поэтому время от времени её приходилось давиться ядовитым дымом.

Катя сосредоточенно копалась в интернете. Смартфон у неё был не самой новой модели, да и качество связи оставляло желать лучшего, поэтому девочка недовольно морщилась и время от времени чертыхалась.

Когда раздался звонок мобильного, Анюта с облегчением выбросила на обочину сигарету.

– Алло! – Раздражённо бросила она в трубку, едва взглянув на экран с высветившимся именем. – Люд, ну, где ты там?

У неё был настолько недовольный голос, что её далёкая собеседница несколько секунд помолчала.

– Я – дома. А ты?

– Я около школы. С Катькой.

Анюта включила громкую связь.

– Что вы там делаете? – Раздался громкий голос.

Неподдельное изумление, раздавшееся в этой фразе, заставило Катю улыбнуться.

– Просто сидим, болтаем. А что, по-твоему, мы может делать около школы в каникулы? И тебя, кстати, ждём. Ты же обещала подойти!

– Когда я обещала, то ещё программы не видела. Ты знаешь, что сейчас по НТВ идёт?

– Что?

– «Брюс всемогущий». Сейчас как раз реклама началась, и я тебе позвонила.

Девочки юмористически переглянулись, словно Люда сообщила им, что сидит на горшке.

– Я тебе диск притащу завтра, – пообещала Анюта. – Давай, ждём тебя.

И нажала на кнопку отбоя.

– Смотрит муру всякую, – пожаловалась она. – Подруги, понимаете ли, на улице мёрзнут, её ждут, а она там...

– У неё дивидишник едва дышит, – сказала Катя. – На прошлой неделе мы с ней что-то смотрели, так он каждые десять минут отключался. То провод какой-то отойдёт, то ещё что-нибудь...

– Ты знаешь, кто её родители? – Уже по одному только тону голоса было видно, что ничего хорошего Анюта не скажет. – Папа – инженер, а мама – медсестра.

– И что?

– Как – что? Ты не понимаешь? Они вообще ничего не получают! Только на жратву и хватает. Вспомни, когда ей дивидишник подарили, она полгода по всей школе бегала, всем рассказывала. Хотела показать, какие у неё шнурки богатые.

– Ага! – Охотно поддержала её Катя. – И не видела, что над ней все угорают.

– Ну, не скажи! Машка с ней даже подружиться хотела, помнишь?

– Что-то такое Людка потом отмочила...

– На день рождения всех позвала. А там дома такое, что все на неё тут же плюнули. Квартира двухкомнатная, у неё даже стола своего нету. Уроки на кухне делает. Убожество!

– Я-то у неё дома почти каждый день бываю, уже успела привыкнуть, а у Машки такие глаза были! – Катя хихикнула, вспомнив. – Она до сих пор с ней не разговаривает.

– А чего говорить-то, а Машки вон папа – о-го-го.

– Да.

Девочки замолчали и одновременно вздохнули.

– Как я тебе вообще – нормально? – Осведомилась Анюта.

– Это как?

– Я красивая?

– Ну, так, нормально, сойдёт. А что?

– Я, когда вырасту, мужа найду такого богатого, чтобы всё мне мог купить. У меня тогда будет штук пять мобильных.

– И ноутбук.

– Ага. И дом. Знаешь, такой двухэтажный, с колоннами по бокам.

– Лучше трёхэтажный. Так круче.

– Ну ещё! По лестницам карабкаться.

– А ты у Витьки Кораблёва дома была? – Спросила Катя.

– Была. Мы с тобой вместе были. На его дне рождения. Помнишь?

– У него вообще один этаж, зато как там всё круто!

– Только вот сам Витька, – Анюта покрутила в воздухе рукой, подбирая слово, – малахольный какой-то.

– Дурак он, скажи прямо.

– Если бы он был дурак, у него не было бы таких богатых родичей.

– Это точно, – согласилась Катя.

Мимо проехала машина, взрывая колёсами грязный снег и обдав девочек едким дымом.

Анюта несколько раз переступила с ноги на ногу, потёрла замёрзшие руки и нетерпеливо оглянулась по сторонам.

– Да ну её, – сказала она. – Пойдём куда-нибудь, а?

– Пойдём! – Легко согласилась Катя. – Достало меня уже тут стоять!

Они неторопливо пошли по заснеженному тротуару. Мимо пробежали два маленьких мальчика с санками.

Анюта посмотрела им вслед.

– Ты вчера на дискотеке была? – Спросила она.

– Не пустили. Сказали, маленькая ещё.

– А я была, – похвасталась Анюта. – Пока Вовка билеты показывал, я потихоньку прошмыгнула.

Вовка – это был её брат. Он всегда во всём потворствовал младшей сестре.

– И как там? – Заинтересовалась подруга.

– Ничего особенного. Это только было написано, что рождественская. Из рождественского там только ёлка была. И то какие-то придурки обкуранные чуть не повалили её в конце.

– Ты что – до конца была?! – Изумилась Катя. – До трёх ночи?!

– Ага. Это потому что меня Вовка домой одну не пустил.

– А шнурки, как – ничего?

– А что они? Вовка им сказал, что я с ним, всего делов-то, – небрежно отозвалась Анюта.

– Жалко, что у меня какого-нибудь Вовчика нет.

– У тебя Андрюха.

– Да ну его. Лучше уж вообще никакого, чем такой. Маленький и тупой. И орёт постоянно. Пр-ридунок! – С чувством добавила она.

– Чего это ты так на него?

– Меня с ним сидеть заставляют. Будто я нанялась!

– Вот когда я вырасту, – доверительно поведала Анюта. – У меня детей вообще не будет. – Она перешла на шёпот. – Знаешь, как их рожать больно?

- Что – правда?
- Ещё как!
- Зато я знаю, – парировала Катя, – что детей грудью нельзя кормить.
- Потому что они отвислыми становятся.
- Ага.

Девочки замолчали.

- Как уши спаниеля, – фыркнула вдруг Анюта.
- Что? – Изумилась её собеседница.
- Это Володька так говорит. Вот у этой – сиськи как уши спаниеля.
- А «у этой» – это у кого? – Заинтересовалась Катя.
- Ну-у... на всяких показывает.
- Везёт тебе, что у тебя такой взрослый брат. С ним о всяком таком можно поговорить.

Анюта загадочно, словно Джоконда, улыбнулась и тут же перевела разговор на другую тему:

– Я вот думаю, хорошо было бы, если бы ребёнок сразу становился большим... Лет пяти-шести, хотя бы. Чтобы пелёнки не пачкал. И не орал по ночам. И чтобы с ним интересно было. Тогда бы я ещё согласилась на ребёнка. А так – пока вырастет – все нервы истреплет.

– Сейчас детей из детдомов берут.

– Ты что – офонарела?! – Анюта даже остановилась посреди дорожки. – Ты знаешь, какие там уроды живут?!

– Это они в детдоме такими становятся. А если лет в пять взять...

– А ты представляешь, какая у них генетика, если у такого ребёнка мама – воровка, а папа – наркоман?! Кем он будет, когда вырастет? Не-е, – поёжилась она, – я бы с таким даже в одной комнате бы не осталась. А воспитывать постоянно – фигушки!

– А Ирку, говорят, из детдома взяли.

– Соколову? – Уточнила девочка. – Не верю!

– Почему?

– Она тихоня. В детдоме такую зачморили бы в первые несколько дней.

– Она и есть какая-то затурканная.

– Она затурканная, потому что в церковь ходит. Там все такие.

Последнее она прибавила так авторитетно, Что Катя не нашлась, что сказать.

– А ты у неё дома была? – Спросила она.

– Нет.

– Я тоже.

– И вообще, она какая-то странная, – была вынуждена согласиться Анюта.

– Я же говорю, что её из детского дома взяли.

– А где этот детский дом был?

– У нас в городе. Ты что, не знала, что у нас в городе детдом есть?

– Не-а.

– На Заводской.

– А-а, там... Может быть. Я плохо тот район знаю.

– Зато у меня там бабушка живёт, – похвасталась Катя.

– А кто тебе говорил, что Соколова – из детского дома? – Недоверчиво продолжала уточнять Анюта.

– Белка.

– Ты больше эту Белку слушай, она тебе ещё и не такого понаговорит.

– Поболтать она любит, – не стала спорить Катя. – Сплетница жуткая. Зато не обманывает; если уж что-то говорит, то так оно и есть... Тем более, Ирка больше не с кем и не дружит – о ней даже узнать не от кого.

- Ну, как это – ни с кем не дружит? А с Ромкой из пятого «бэ»?
- Это который в церкви? – Катя фыркнула. – Он тронутый ещё побольше Соколовой.
- Два сапога – пара. Они, когда вырастут, неплохо будут смотреться.
- Они уже, кстати, уже парочкой ходят, когда их никто не видит.
- Здорово! – Фыркнула Анюта. – Я бы посмотрела, как Ирка с кем-нибудь под ручку ходит. То ещё, наверное, шоу!
- Она на день учителя в третьем «В» такую стенгазету забабахала, что из других школ приходили на эту газету смотреть, – вспомнила Катя.
- Да, помню. А потом все остальные стали такие же стенгазеты делать...
- Слушай, – страшным шёпотом начала Катя, – а давай завтра в гости к ней завалимся! И Людку с собой возьмём!
- Зачем?
- С Рождеством поздравим. И посмотрим, как она живёт.
- С каким ещё Рождеством?
- Так завтра же Рождество.
- А-а.
- Почему так кисло?
- Так ей что-нибудь дарить нужно. А у меня денег нет. Всё на Новый год израсходовала. Ещё и у Кузнеца в долг взяла.
- В церковь сходим и понаберём всякого барахла. Крестики там какие-нибудь, иконки, календарики. Оно там копейки всё стоит.
- А Ирка будет довольна до пороссячьего визга. – Судя по всему, эта идея Анюте тоже начинала нравиться.
- Точно! Пошли прямо сейчас?
- В церковь?
- Ну!
- Анюта пожала плечами:
- Ладно, пошли. А у тебя сколько с собой?
- Нам хватит.
- Девочки свернули в боковую улочку. Вокруг стояли вросшие в землю деревянные домишки. Снегоочиститель освободил от снега проезжую часть, но завалил обочины. Старушки бодро орудуя лопатами пробивались со своих участков к большой дороге. Они делали узенькие, на ширину штыка лопаты, проходы.
- Ань, ты в церкви когда-нибудь была?
- На Пасху каждый год ходим. Яйца освящаем.
- А я в прошлом году на Рождество два раза была, ночью и на следующий день. За водой приходила. Там красиво. Но скучно.
- У тебя нет Иркиного моби́льника?
- Не-а.
- У меня тоже.
- У неё, вроде, вообще телефона нет.
- Девочки остановились, переглянувшись.
- Всё-таки странная она, – подытожила Анюта. – У какого нормального человека сейчас телефона нет? Даже бомжи – и те с мобилами ходят!
- Катя перед таким безапелляционным утверждением снова не нашлась, что сказать.
- Как ты думаешь, если она на самом деле из детского дома..., – начала девочка и не договорила.
- Я бы на её месте тоже про это помалкивала.
- Некоторое время они молчали.

– Не, – наконец качнула головой Аня. – Они там, в детдоме все тупые. Представь, без папки, без мамки, никто уроки не заставляет делать, никто за двойки не ругает – что хочешь, то и твори. А Ирка умная. Четверть с тремя четвёрками закончила. Не может она быть из детского дома!

– Может!

– Это ещё доказать надо.

– И докажу! Помнишь, Верка в прошлом году к нам пришла? Появилась, как чёртик из коробочки. Не было, не было – и тут на! Про неё никто не говорил, что она из детдома. А про Ирку говорят.

– И что?

– Есть такая пословица: «Дыма без огня не бывает», – глубокомысленно закончила Катя. – Так что надо нам домой к ней завалиться!

– А что, – вскинулась Аня, – думаешь, если домой к Соколовой сходишь, то всё понятно станет?

Катя задумалась.

– Не знаю, – наконец сказала она. – Ну, хоть что-то да будет понятно.

Вскоре среди заснеженных ветвей мелькнул тёмный купол храма. Девочки подошли к церковной ограде и остановились. Аня начала рыться в карманах. Присев на корточки, она выкладывала на снег перед собой найденные деньги. Катя тоже добавила завалявшиеся с прошлых выходных рубль мелочью.

– Семь сорок, – подвела итоги Аня. – Негусто.

– Хватит. Там всё дешёвое.

– Сходишь? – Тут же спросила Аня.

– А почему я? – Возмутилась Катя. – Чуть что – сразу я!

– Я деньги дала, значит ты будешь всё покупать.

– Пойдём вместе!

– Не хочу я идти!

– Стесняешься? – Хихикнула Аня. – Боишься, что кто-нибудь из класса увидит?

– Ничего я не стесняюсь! – Катя даже покраснела; судя по всему, Аня попала в точку.

– Тогда почему не идёшь?

– Не хочу.

– Ага, как же..., – она бы сказала что-нибудь ещё, но замолчала, глядя куда-то через плечо своей собеседницы. Аня резко обернулась. К ним подходила девочка. Русоволосая, довольно симпатичная, лет двенадцати-тринадцати.

– Катюха, ты её знаешь? – Шёпотом спросила она.

– Нет, – так же шёпотом ответила ей подруга.

– Я – тоже.

– Прикид у неё классный.

– Да, куртка нормальная.

– А сапоги такие я на рынке осенью видела. Знаешь, сколько стоят? Ужас!

Незнакомая девочка подошла к ним. Несколько секунд тянулась пауза, в продолжении которой Катя и Аня вопросительно переглядывались между собой.

– Всем приветик! – Вежливо поздоровалась незнакомка.

Ответом ей были недоумённые взгляды.

– Салют! – Неразборчиво буркнула Аня, ещё не уверенная до конца, что всё происходящее – это не розыгрыш. Старшие девчонки – они все вредные, сейчас скажет какую-нибудь гадость и смоемся.

Впрочем, незнакомка, похоже, уходить не собиралась. И лицо у неё было такое, что постепенно становилось понятно – никаких гадостей она делать не собиралась.

- Ты кто такая? – Наконец, подозрительно спросила Аня.
- Я с Иришей, – пояснила она, – в церковь пришли, а она закрыта.
- С какой ещё Иришей? – Не поняла та.
- Она сказала, что с вами в одном классе учится.
- А, с Соколовой!

Всеобщее напряжение спало, но девчонки слегка ошарашились. Действительно, такие совпадения бывают редко: только-только говорили про Соколову – и вот тебя, тут же рисуется её подруга. Правильно говорят, что на ловца и зверь бежит.

- А она где? – Поинтересовалась Аня.

– В туалет ушла, – незнакомка показала рукой куда-то за храм. – Мы в церкви пришли, а там оказалось закрыто, Ириша показала на вас, сказала, что вместе с вами учится – и убежала. Сейчас, крикнула, вернись.

- Понятненько, – сказала Аня, чтобы хоть что-то сказать.
- Что-то мы тебя раньше никогда не видели, – заявила менее доверчивая Катя.
- Я издалека, – охотно отозвалась собеседница и уточнила, – из другого города. В гости к Ирише приехала и вот мы тут ходим, гуляем.
- А ты её давно знаешь? – Тут же спросила Аня.
- Ну-у, – задумчиво протянула незнакомая девочка, – как бы да.
- Да?! – Хором воскликнули подруги, одновременно замолчали и многозначительно переглянулись.

Возникла некоторая заминка.

– А это правда, – неуверенно начали Катя, – что она раньше... ну, это... в детском доме была?

Губы незнакомой девочки скривила едва заметная улыбка.

- Вообще-то да. Я её ещё там знала.
- Ты что – тоже оттуда?! – Вытаращила глаза Аня.
- Пару недель там прожила, – передёрнула плечами незнакомка. – Повыпендриваться захотелось, сбежала из дома. Там с Иришей и познакомилась.

– А там как?

– Страшно?

Эти вопросы они задали почти одновременно.

Девочка пожала плечами:

– Нормально, жить можно. Правда, без родителей – совсем туго, но те ребята к этому уже привыкли, она даже не представляют, что может быть как-то по-другому.

– Они вредные, эти детдомовцы? – Спросила Катя.

– Всяких хватает. Там самое главное, как в тюрьме: не жаловаться, не спорить, не хвастаться и не лезть в драку.

– Не верь, не бойся, не проси, – сказала Аня, отец которой смотрел НТВ, – ЭТО в тюрьме основное.

– Что-то вроде, – согласилась незнакомая девочка. – А самое главное: уметь драться. Если в нос можешь вовремя дать – считай проблем у тебя не будет. А если нет...

– Тебя вообще как звать-то?

– А тебя?

– Меня – Аня, – Аня взяла инициативу в свои руки. – Её вот, – кивнула она, – Катюхой зовут.

– Ты с Ирой как, НОРМАЛЬНО дружишь? – Перебила Катя свою подругу.

– Как это – нормально? – Не поняла Люба. – Просто – дружу.

– И Ирка что – умела драться? – Не понимала Аня. – Она же вроде тихоня!

– Чтобы тебя не трогали нужно быть или сильным, или умным. Ириша была умной. У неё весь класс списывал. Потому и не трогали. И вообще уважали. Хоть такое редко в детдоме бывает, но её именно уважали.

– Она там отличницей была? – Уточнила Катя.

– А ЗДЕСЬ она отличница? – Незнакомка выделила слово «здесь».

– Нет.

– Вот. ТАМ она тоже отличницей не была. На четвёрки училась. Чтобы быть отличницей, надо постоянно прогибаться, а Иришка этого не любила. Хотя при всех своих данных вполне могла бы учиться лучше всех в школе.

Катя была отличницей, поэтому покраснела, так сильно, как только это может сделать рыжая девочка

– Ну, ты загнула: лучше всех в школе! – Бросила Аня.

– Вот именно: лучше всех в школе. А знаете, почему она так не учится?

Девочки недоуменно воззрились на свою собеседницу.

– Потому что очень не любит высовываться. Это у Иришки в крови. Могут поспорить на что угодно, никто из вас даже не подозревает, что её папа такой крутой дяденька, что... – девочка бросила быстрый взгляд в сторону церкви и осеклась. – Вы только Соколовой не говорите, что я тут понарасказывала про неё, – в голосе её прозвучали жалобные нотки, – а то она, чего доброго, поссорится со мной.

Она вовремя свернула разговор. Показалась Ирина – невысокая русоволосая девочка. Помпон на голубой вязаной шапочке от быстрого бега перекинулся вперёд, она резким движением головы откинула его в сторону.

Соколову встретили молчанием. Уловив на себе напряжённые взгляды, она забеспокоилась.

– Привет, девчонки! Вы какие-то странные сегодня.

– Да нет, Ирин, всё в порядке!

– Да-да, всё хорошо!

– Чего это нам быть странными!

Все заговорили одновременно и так же одновременно замолчали.

– Это – Люба, – невпопад сказала Ирина.

– Мы уже познакомились, – отозвалась Катя. – Только она не сказала, как её зовут...

Все расхохотались. Прерванная на полуслове, Ирина не поняла, почему все веселятся, и несмело улыбнулась. Это вызвало новый взрыв смеха.

Обстановка разрядилась. Девочки некоторое время поговорили о каких-то пустяках, потом Ирина наскоро попрощалась и утащила Любу с собой.

Катя и Аня долго смотрели её вслед, потом синхронно переглянулись.

Первой не выдержала Аня.

– Вот, – глубоко оскорблённым голосом произнесла она.

– Странная какая-то подруга у Соколовой, – поддержала её подруга.

– Как и Ирка. Все они не такие. Как с другой планеты.

– Ещё бы Соколовой быть ТАКОЙ, – отозвалась Катя, – если она из детдома.

– Опять ты за своё! Так ты этой Любе сразу и поверила!

– И всё-таки там уроды живут, – поморщилась девочка.

– Ирка – не урод, – заступилась за одноклассницу Аня.

– То-то и оно, – лицо её подруги вдруг озарилось. – Слушай, а ты смотрела «Заря любви»? Там почти то же самое было! Помнишь, как Джоанна сначала воспитывалась в интернате, а потом вышла замуж за плантатора?

– Так то же в сериале.

– А здесь – то же самое! – Взвизгнула Катя, так громко, что Анюта сделала шаг назад. – Про нашу Ирку можно такой сериал снять – все офигеют! Тем более что это всё на самом деле было, даже ничего придумывать не надо. Ирочка Соколова жила себе в детском доме, такая бедненькая, несчастненькая, без папы, без мамы, даже говорит не умела, а потом – раз – и её удочерил новый русский!

– Я у Марининой читала, – сказала Анюта, – что выпендриваются и хотят казаться богатыми только середнячки. А настоящие богачи всегда стараются казаться незаметными. Им дешёвые понты не нужны.

– Это ты о чём?

– О том, что мы с тобой как дуры. Вот зачем ты эту сумочку с собой принесла?

– Что? А? Так это так... Просто...

– Просто, – перекивляла её Аня. – Да она у тебя пустая. Просто хочешь показать, что она у тебя есть. А вот Иринка как пришла в наш класс в джинсах и в кофте, так в них и ходит.

– Пойдём посмотрим, где она живёт, – наконец решилась Катя. – Чтобы сразу все точки расставить. Небось эта её Любочка наплела нам с три короба, а мы и поверили. Не в гости, а просто так, со стороны посмотрим

Пришлось позвонить Изабелле, которая, единственная из всех девчонок, знала, где живёт Соколова. Не прошло и четверти часа, они уже стояли перед забором, за которым виднелся большой трёхэтажный особняк. Им пришлось забраться на какие-то брёвна, чтобы разглядеть кусочек крыши и часть стены с номером дома.

– Она точно здесь живёт? – Недоверчиво поинтересовалась Катя.

– А то, – Анюта разглядывала написанный на ладони номер дома так внимательно, словно тот в любую минуту мог измениться.

Вокруг особняка располагался обширный сад. Между двумя яблонями сиротливо качался забытый с лета гамак.

Подсознательно девочки надеялись на то, что всё, рассказанное про Соколову – выдумки. Теперь, убедившись в обратном, они не находили, что ещё можно сказать. Катя передёрнула плечами, словно от порывов холодного ветра.

– Я такое только в сериалах видела, – призналась она. – И то там двухэтажные дома были, а здесь – целых три этажа.

Анюта уселась на бревно, на котором только что стояла, обхватила руками колени и тяжело вздохнула:

– Вот почему так: одним – всё, другим – всё остальное, а? – И, не получив ответа, криво улыбнулась. – Ладно, хорошо, что в нашем классе теперь хоть понятно, с кем нужно дружить!

День первый. Ирина и Вика. Апрель

Глава 1

Ирина точно запомнила, когда в её группе появилась новенькая, потому что именно в эту ночь наступал её десятый день рождения. Это было вечером 28 апреля.

Девочка лежала в постели, укрывшись до подбородка одеялом, смотрела на смутно белеющий в темноте потолок и старалась не уснуть. Отблеск лунного света, пробившись через узенькую щёлочку между стеной и плотной шторой, медленно скользил по часам, висевшим над дверью.

Шёпот, смешки, скрип кроватей, шарканье босых ног по линолеуму – всё это постепенно смолкало, и спальня погружалась в тишину, только в группе работал телевизор. Были слышны крики дерущихся актёров, звуки выстрелов и визг тормозов. Похоже, мальчишки выпросили у Людмилы Ивановны разрешение посмотреть какой-нибудь боевик. Людмила Ивановна была хорошей воспитательницей и очень доброй; она разрешала многое из того, что никто не решился бы у Ольги Дмитриевны даже попросить.

Ирина вздохнула и постаралась не слушать происходящее за дверью. Она не понимала, как кому-то может быть интересно смотреть, как люди убивают друг друга.

Смотреть телевизор ей вообще не очень нравилось. Однажды, когда вся группа в полном составе смотрела какую-то передачу, Ирина встала со своего места, чтобы выйти в туалет, сделала несколько шагов – и на несколько секунд очутилась между ребятами и телевизором. Её поразило, какие пустые глаза были у тех, кто смотрел в экран. С тех пор телевизор девочка старалась смотреть поменьше: не хотела, чтобы у неё были такие же страшные глаза.

Ирина снова взглянула на часы.

Было без десяти одиннадцать. До полуночи оставался час и ещё десять минут. Семьдесят минут. Семь выпусков «Ну, погоди!» Вообще-то это не так уж и много. А потом наступит день рождения, и Ирине исполнится десять лет.

«А вот Валерке Кудинову только девять. – Подумала она. – Здорово! У него день рождения только в августе. Почти всё лето я буду старше его на целый год. Так ему и надо!»

Ирина мрачно усмехнулась. Валерка – щуплый прыщавый мальчишка – ненавидел её всеми фибрами души и при каждом удобном случае старался сделать какую-нибудь пакость. Ирина очень боялась его и, даже если он просто проходил мимо, не обращая на неё внимания, внутренне сжималась. Она относилась к мальчику как к какому-то воплощению абсолютного зла или словно к стихийному бедствию, с которыми невозможно бороться, а можно только примиряться.

Минутная стрелка преодолела вершину циферблата и начала медленно опускаться вниз. Ирина этого не заметила. Она перенеслась мыслями в завтрашний день. Чем больше она представляла его себе, тем мрачнее становилось её лицо.

За обедом, конечно, Ольга Дмитриевна попросит именинницу встать со своего места и поздравит её с днём рождения. Будет стыдно, конечно – девочка не привыкла быть в центре всеобщего внимания, а тут все будут смотреть только на неё. Но с какой-то стороны это было даже приятно.

Потом всем раздадут по несколько конфеток – Ирине, само собой, как имениннице достанется чуть больше. Потом придётся, правда, от ребят прятаться, они сразу начнут над ней прикалываться, пока не забудут – но это всё мелочи, как-нибудь пережить можно.

Вика её тоже, наверное, поздравит. А может, и нет. Она глупенькая, навряд ли даже поймёт, что у лучшей подруги праздник. А вот Витя Корнеев её точно поздравит. И обязательно подарит какую-нибудь приятную мелочь.

Вот и всё.

Вот и весь день рождения.

Стало грустно.

Витя молодец, вежливый и заботливый, он всегда что-нибудь хорошее дарит. А вот у самой Ирины ничего не было, она ему ничего хорошего в ответ подарить не могла. Впрочем, до февраля было ещё времени много времени, можно было придумать что-нибудь такое, чтобы Витя обрадовался.

Ирина повернулась лицом к стене, укрылась поплотнее тоненьким одеялом и принялась отдиравать малюсенькие кусочки обоев от штукатурки. Так она делала всегда, когда не спалось и хотелось хоть чем-нибудь заняться. За её кроватью на обоях зияла уже довольно обширная плешь, но этого никто не видел, потому что всё это находилось ниже кровати. А когда в спальне начнётся генеральная уборка, все кровати сдвинут к центру спальни – всё сразу и откроется. Вот тогда-то и начнётся скандал.

Об этом Ирина старалась лишний раз не думать.

Медленно тикали часы.

Ночь тянулась, тянулась и тянулась...

Глава 2

Едва слышные звуки заставили Ирину замереть и прислушаться. Сразу за стеной находилось фойе с лестницей, соединяющей все три этажа. Через тонкую кирпичную кладку всё происходящее на лестнице было очень хорошо слышно. Иногда девочка развлекалась тем, что по звуку шагов пыталась определить, кто идёт по лестнице, и с какого этажа на какой. Чаще всего она оказывалась права – у любого человека шаги были особенные.

Сейчас же Ирина терзалась в догадках. Хлопнула входная дверь – значит зашли с улицы. Даже не стучались, хотя вроде бы дверь должна быть закрыта. Или она на ночь не закрывается? Шаги были совсем незнакомы – а вот это было уже совсем интересно. Невозможно даже представить себе, что кому-то из посторонних людей взбрѣт в голову бродить по детскому дому в половине двенадцатого ночи.

Сразу стало понятно, что по лестнице поднимаются двое. Шаги первого были похожи на шаги директора, но Андрей Васильевич обычно двигался более грузно и более уверенно. Шаги же второго человека были едва слышны, и, сколько Ирина не прислушивалась, ей не удалось хотя бы примерно предположить ни пол этого человека, ни комплекцию, ни возраст. Было даже мгновение, когда девочка усомнилась, что там вообще кто-то есть.

«А может это вообще эхо?.. Нет, там точно кто-то второй!»

Шаги звучали всё отчётливей. Незнакомцы преодолели площадку второго этажа и продолжили подниматься дальше.

«Они же сюда идут! – Обрадовалась Ирина. – Вот сейчас всё и узнаем!»

Она была твёрдо уверена, что входные двери в их группу, так же, как и двери из вестибюля на улицу, на ночь закрываются на ключ, поэтому она сначала удивилась, когда кто-то зашёл в здание детского дома с улицы, а теперь – когда неожиданные посетители, даже не постучавшись, очутились в группе.

Раздалось деликатное покашливание.

Людмила Ивановна, которая, (Ирина точно это знала) спала в кресле и во сне даже немножко похрапывала, судя по наступившей тишине, проснулась. Вспыхнул свет. От неплотно закрытой двери по полу протянулась яркая жёлтая полоска.

Кровать Ирины была самой первой от двери. Это считалось наименее привилегированным местом – лучшие места находились в дальнем конце, спать там было гораздо уютнее. Девочка многое отдала за то, чтобы спать подальше от входа, но переселение даже на несколько кроватей в ближайшем будущем Ирине не грозило.

Девочка вся обратилась в слух.

Мужской голос говорил раздельно и чётко, красиво заканчивая, словно округляя, каждую фразу. Его было слышно более-менее хорошо. А вот что отвечала Людмила Ивановна – это было непонятно, уж слишком тихо и сбивчиво она говорила.

– Я, конечно, понимаю, что вы не имеете такой компетенции, но и меня, прошу Вас, поймите. Я тоже человек маленький, мне сказали сдать девочку вам – и я сдаю. В конце-то концов, не везти же мне её к себе домой...

Воспитательница что-то ответила.

– Все документы, я полагаю, могут выдать в милиции, – подумав, предположил мужчина. – Потому что этому больше некому заниматься. Завтра утром позвоните в участок и всё узнаете... – (Людмила Ивановна вставила свои слова в наступившую паузу) – Да, я понимаю, что именно вы детей не берѣте, но должна же у Вас быть хоть капля сочувствия к этой малышке! Она уже едва шевелится от усталости, может быть даже болеет, а Вы хотите, чтобы я снова посадил её в машину и повѣз неизвестно куда.

На сей раз Людмила Ивановна говорила довольно долго, впрочем, в её голосе зазвучали новые нотки, и Ирина поняла, что она на что-то решилась.

– Я вам дам номер своего мобильного, – сказал мужчина. – Если будут какие-нибудь проблемы, то позвоните, тогда уж я сам постараюсь что-нибудь сделать.

Дверь в спальню приоткрылась. Ирина зажмурилась от неожиданного света, потом открыла один глаз и принялась наблюдать за происходящим. В образовавшемся проёме возникли сухонькая фигура воспитательницы, а рядом – контуры мужчины

– Очень Вам благодарен...

– Потихе, пожалуйста, здесь дети спят, – с некоторым раздражением в голосе громко прошептала воспитательница.

Они прошли в глубину спальни. Незнакомец тоже перешёл на громкий шёпот:

– Очень Вам благодарен. Не представляю, что бы я делал, если бы не вы.

– Ладно Вам, – Людмила Ивановна перешла на ворчливый тон, так она делала всякий раз, когда не хотела, чтобы её благодарили. – Лучше помогите мне матрасы перетащить.

– Да, конечно, – с готовностью отозвался её собеседник. – Какие?

Даже не видя происходящее, Ирина могла сказать, что имеет в виду воспитательница. Одна из кроватей, самая последняя в ряду, пустовала, на ней были сложены лишние подушки, матрасы и одеяла. Именно на эту кровать, была уверена девочка, Людмила Ивановна и собиралась положить новенькую.

Ирина не сразу осознала глобальность происходящего.

Жизнь в интернате текла размеренно и спокойно, один день был похож на другой как две капли воды, поэтому появление новичка было целым событием.

За семь лет пребывания в детском доме Ирина видела только четырёх новичков.

Первым появился Валерка Кудинов. Маленький и испуганный, он сидел в раздевалке, часто шмыгая носом и размазывая по тёмным от грязи щекам обильные слёзы. Таким его запомнила Ирина. Потом, когда Валерка обжился, освоился и начал её обижать, она не раз с мстительным удовлетворением вспоминала этот малопривлекательный образ из далёкого прошлого.

Потом пришли сразу двое: Серёжа Кравцов и Маша Андреева. Их перевели из другого детского дома. Хотя там они учились в параллельных классах и почти не знали друг друга, здесь они быстро сошлись, потому что здесь, как и все новенькие в сложившемся коллективе, они очутились вдвоём против всех.

Впоследствии эта спонтанно сложившаяся симпатия не пропала, а напротив, окрепла ещё больше. Они всегда держались вместе: гуляли; учились; сидели за одним столом; если это было необходимо, заступались друг за друга – и им было абсолютно наплевать на насмешки других детей.

Последней, около трёх лет назад, появилась Вика – единственная и самая-самая лучшая подруга Ирины.

Из разговоров воспитательниц Ирине удалось узнать, что девочку нашли на железнодорожном вокзале. От голода она даже не могла плакать, только беззвучно всхлипывала, сотрясаясь всем телом, и куталась в какое-то тряпье. Она слабо отбивалась от обступивших её людей в милицейской форме, потом потеряла сознание.

На медицинском осмотре обнаружилось, что всё тело ребёнка покрыто синяками и ссадинами. Ни на один вопрос она не отвечала, а когда настаивали на ответе, начинала плакать. Сгоряча даже решили, что она то ли немая, то ли глухая.

Инна Игоревна – детдомовский врач – долго, скорбно сжав губы, осматривала её, мерила рост, взвешивала, что-то тщательно высчитывала, и, наконец, определила новенькую в группу семилеток – там как раз было свободное место, хотя по всем параметрам новенькую нужно было поселить в самую младшую группу, к тем, кому было пять лет.

Ирина впервые увидела Вику, когда та, лысенькая (волосы сбрили из-за педикулёза), чем походила на какого-то трогательного мультяшного персонажа, стояла около двери, одной рукой вцепившись в юбку воспитательницы, а другой пытаясь удержать огромное яблоко и пёструю куклу, и большими испуганными глазами озиралась по сторонам. Ирина с первого же взгляда со всевозможной ясностью поняла, какая Вика хорошая – и они подружились сразу, в эту же минуту.

Только через несколько дней выяснилось, что Вика, несмотря на внешность, абсолютно нормальный ребёнок – она всё слышит и даже умеет кое-как говорить. Правда вспомнить она смогла только своё имя. О том, сколько ей лет, какая у неё фамилия, где живёт, она не имела ни малейшего представления, а любое упоминание о родителях вызывало непонимающие взгляды; создавалось впечатление, что она ни разу в жизни не слышала слов «папа» и «мама». Если кому-то из взрослых удавалось её разговорить, то Вика рассказывала только о каких-то дядях и тётях.

Среди детей прозвище у Вики было очень некрасивым – Крысёныш. Она была самой маленькой в группе. Все в глаза и за глаза называли Вику дурочкой, debilкой, идиоткой – и это были самые мягкие определения, Ирина же предпочитала называть её для себя мягко и совсем необидно – «глупенькой», потому что любой глупенький человек, когда вырастет, обязательно поумнеет.

У девочек были между собой особенно близкие отношения. Вика была единственным человеком, который ни разу не обидел Ирину, последняя же жалела её за непри приспособленность к жизни и по мере своих сил старалась о ней заботиться. В глубине души Ирина считала Вику своей младшей сестрёнкой.

Такова была история появления в Иренином классе четырёх новичков. И вот теперь появилась ещё одна девочка. И появилась она очень странно, неожиданно для всех и даже не понятно, откуда.

Глава 3

Пока Людмила Ивановна и незнакомец носили одеяла и матрасы, негромко, шёпотом, переговариваясь, Ирина изнывала от нетерпения. Ей казалось, что стоит её только увидеть новенькую, и сразу станет понятно, хорошая она или нет, можно будет с ней подружиться или она окажется такой же, как остальные девчонки.

Воспитательница принесла комплект постельного белья и, невзирая на темноту, привычно быстро принялась застилать кровать. Мужчина, стоя в стороне, неловко переминался с ноги на ногу. Он хотел завязать разговор, от молчания ему становилось ещё более неудобно, поэтому, хотя собеседница не настаивала, он принялся объяснять.

– Едем мы с Вадимом Георгиевичем... Я у него шофёром работаю. Он вдруг за плечо схватил и кричит, останови, мол. А мы как раз через парк проезжали. Он вышел и бросился назад, а там как раз на скамейке вот эта барышня сидит. Дождь проливной, ветер жуткий, она вся сжалась, дрожит, а никуда не уходит. Я из окна смотрю, Вадим Георгиевич подсаживается к ней, пытается заговорить, а она ничего не отвечает и даже вроде бы отворачивается. Тогда он взял её за рукав и повёл к машине, а она идёт, знаете, как кукла, только ноги передвигает, а взгляд такой... ну, пустой, такой только у наркоманов бывает... Хотя какие там наркотики, она же ещё совсем ребёнок... Правда, сейчас и дети у нас такие... Вот Вадим Георгиевич мне и говорит, гони мол, сдавай её в милицию, если её тут оставить, она всю ночь сидеть будет, ещё заболит, а то и чего похуже случится, а я, говорит, пешком домой дойду.

– А что милиция? – Людмила Ивановна энергично расправляла простынь.

– Что – милиция? – Как эхо повторил её собеседник. – Приезжаем мы туда, а там лейтенантик младший сидит, только вчера, похоже, из школы милиции. Он и сам не знает, что делать, хлопает глазами, как китайский болванчик... Я уже сам ему подсказываю, может, говорю, тут поблизости какой-нибудь детский дом есть, там уже разберутся, что с этой барышней делать. Он обрадовался, как же, говорит, есть, совсем недалеко. И дал ваш адрес.

– Вы так и не узнали, как зовут девочку, откуда она?

– Нет. Скорее всего, она глухонемая. За всё то время, что мы катались по городу, она не сказала ни одного слова. И даже не оборачивалась, когда я что-нибудь спрашивал.

– Этого ещё не хватало! – Упавшим голосом прошептала воспитательница. – У нас уже есть одна немая девочка. Уж мы с ней мучаемся, мучаемся...

«Мучаются?! Со мной?!» – Ирина от возмущения чуть не вскочила с постели, но вовремя опомнилась и осталась лежать. До её сознания медленно доходил смысл слов, которые сказал собеседник Людмилы Ивановны.

Дыхание у неё перехватило. Такого огромного восторга она не испытывала, наверное, никогда в жизни. Ведь так просто не могло быть, чтобы внезапно появившаяся среди ночи девочка в этой спальне оказалась такой же, как она сама, разве что Ирина просто не говорила, а новенькая не только не говорила, но и не слышала. Но это всё мелочи. Если только захотеть, подружиться можно было с любым человеком, пусть он будет хоть тысячу раз слепой, глухой и немой. Вон Ирина за все годы их дружбы ни слова не сказала Вике, да и Вика большей частью постоянно молчит, меж тем они подруги – водой не разольёшь.

Как же всё оказалось странно! Только полчаса назад Ирина ни о чём таком не думала, а сейчас готова отдать всё, лишь бы подружиться с девочкой, которую никогда даже не видела.

Как быстро иногда всё меняется!

– У вас нет никаких подозрений, откуда она?

– Ни малейших. Я же говорю: сидела на скамейке в парке под проливным дождём. Будто с неба свалилась.

Они вышли из спальни, и некоторое время вполголоса разговаривали в группе. Ирина со своего места слышала только звуки голосов, а о чём они говорили – это было неясно. Вскоре мягко закрылась дверь и на лестнице послышались удаляющиеся шаги.

Девочка прижалась ухом к стене.

Хлопнула входная дверь.

Ирина с облегчением откинулась на подушку. Незнакомец внушал ей чувство дискомфорта. С тех пор, как он появился в группе, девочка подсознательно всеми фибрами души желала, чтобы он ушёл.

– Проходи, милая. Осторожно, не споткнись, тут темно.

В ярко освещённом проёме двери показалась Людмила Ивановна, которая вела за собой новенькую. Девочка была худенькой и довольно высокой. Ирина смогла заметить и длинные, распущенные по плечам волосы.

Воспитательница подвела девочку к постели и отпустила её руку, чтобы откинуть одеяло; та так и осталась стоять с безвольно опущенной вниз головой, в неестественной позе, как будто собиралась сделать шаг, но так и не сделала.

– Тебе нужно отдохнуть. Вот твоя постель, ложись. Только сначала разденься. Тебе помочь?

Не дожидаясь ответа, Людмила Ивановна принялась расстёгивать тугие пуговицы на промокшей джинсовой куртке.

Тонкий силуэт девочки в темноте казался Ирине хрупким и почти полупрозрачным. Она даже потёрла глаза.

Людмила Ивановна раздела новенькую, уложила её в постель, накрыла одеялом и присела рядом на краешек кровати, участливым голосом шепча что-то такое, что приходит на ум любой матери у постели больного ребёнка и что потом очень трудно вспомнить.

Девочка накрылась одеялом с головой. Это было первое движение, которое она сделала сама.

– Ты не хочешь сказать, как тебя зовут?

– Нет! – Глухо донеслось из-под одеяла.

Ирина подумала, что ослышалась. Но больше говорить было некому. Это была новенькая. Воспитательница тоже слегка опешила.

– Что? – Наклонилась она.

Голос её дрогнул.

– Уйдите отсюда! Надоели!

Людмила Ивановна порывисто встала. Резкость этого движения выдала её растерянность.

– Ты умеешь говорить?

– Нет, не умею! – съязвила в ответ девочка. – Вы меня оставите в покое или нет?!

– Ну... ладно, спокойной ночи! – Лицо Людмилы Ивановны было освещено наполовину, и Ирина разглядела, как оно при этих словах странно дёрнулось.

Ирина опомнилась от первого удивления и рассердилась. Мало того, что новенькая оказалась не глухонемой, так она ещё и Людмиле Ивановне нагрубила – самой лучшей воспитательнице в детдоме.

«Нет, она плохая! – Решила Ирина, думая о новенькой. – Ещё похуже некоторых. С чего я решила, что она хорошая? Хорошие сюда редко попадают»

Ирина взглянула на часы, увидела, что уже двадцать минут первого. Она повернулась к стене и попыталась уснуть, но сон упорно не шёл к ней.

«Посмотрим, каково тебе завтра будет! – Подумала девочка, сжимая кулаки. – Все вы сначала такие крутые. Ты ещё не знаешь, какие у нас ребята тут. Мигом тебя приструнят! Людмила Ивановна добрая, она ничего не сделает. А вот придёт завтра Ольга Дмитриевна,

и сидеть тебе, милочка, в кабинете директора. Чтобы знала, кого и куда посылать. А Андрей Васильевич с такими разговаривать умеет»

Ирине нравилось слово «милочка», которое Ольга Дмитриевна постоянно употребляла по отношению к провинившимся детям.

В наступившей тишине Ирина слышала, как ворочалась в кресле, пытаясь уснуть, воспитательница, как вдалеке за окном проезжали редкие машины, тихо гудел ветер в вентиляционной решётке.

Но ко всем этим привычным ночным звуком, которые давным-давно превратились в фон, вдруг стали примешиваться какие-то ещё, незнакомые, которых она никогда раньше не слышала. Она приподняла голову, оглядываясь, и вдруг поняла, что звуки доносятся с кровати, где лежит новенькая.

«Она же плачет! – в полном смятении подумала Ирина и почувствовала, как густо краснеет. – Какая же я дура! Чуть что – и сразу готова сделать из человека негодяя. На себя бы посмотрела!»

У неё были основания так думать. Ирина не раз слышала, что, когда её саму только привезли в детский дом, хотя ей было всего три года, она несколько раз сильно укусила за палец воспитательницу, разбила какое-то стекло, переломала игрушки, а на обеде перевернула тарелку с горячим супом на того, кто пытался её накормить.

Новенькая девочка плакала, и Ирина беспокойно заворачивалась под одеялом. Ей хотелось хоть как-нибудь ободрить новенькую, хотя бы встать с постели, подойти и погладить по голове – ну, а что ещё можно было сделать? Останавливало только то, что в ответ можно было получить ещё более жестокую отповедь, чем несколько минут назад Людмила Ивановна. Но, даже если этого и не случится, на следующей день новенькой будет неловко от того, что Ирина видела её плачущей, и тогда они уже точно не подружатся.

«Ладно, пусть полежит, успокоится. Бедненькая! Как это плохо – плакать, когда точно знаешь, что никто не придёт, плакать только для себя... И что она такого плохого сказала Людмиле Ивановне? Ничего. Только попросила её уйти. И даже на «Вы» назвала. Немножечко грубо, правда. Но как бы я сама говорила, если бы меня незнакомые люди целый день по городу возили? Вообще бы, наверное, начала ругаться. Вот только я говорить не могу, а вот если бы могла...», – Ирина сама не заметила, как уснула...

Зыбкий туман ползал по городским улицам, размазывая по тёмному от ночной свежести асфальту воспалённо-жёлтые круги фонарей. Иногда на бархатной мгле неба проглядывали редкие звёзды, но тут же гасли. Бесконечная ночь медленно и монотонно тянулась по улицам. Под утро из-за дальней многоэтажки по уже светлеющему небу быстро прокатился бледный, изъеденный оспинами кратеров круг луны...

Глава 4

Ирина привыкла вставать самой первой. Ей не нравилось, когда вокруг суета и много людей.

Кто-то досыпал, кто-то, проснувшись, нежился в постели (как будто за несколько минут, проведённых в кровати, можно было отдохнуть), кто-то просто лежал, чтобы не вскакивать первым.

Девочка расправляла простынь, аккуратно стелила одеяло, делала квадратной подушку (это называлось «отбить»; почему-то всех воспитателей раздражало, когда вместо подушек были бесформенные комки), потом тихонько, на цыпочках, выходила из спальни.

Часы над дверью показывали без четверти семь.

Ирине нравились эти тихие утренние минуты, когда вокруг было темно и тихо. Над входом в спальню вод матовой полусферой горел дежурный фонарь, полоска света пробивалась из-под двери из прихожей, где приводила себя в порядок после сна воспитательница. Вообще-то воспитательницам ночью спать не полагалось, но никто не придерживался этого правила. Да и что тут могло случиться? Если ночью в их спальню пробирался кто-нибудь из мальчишеской половины, то поднимался такой визг, что вскакивали все три этажа.

Все игрушки были аккуратно расставлены по своим местам. Солидно блестя в полумраке глянцевыми обложками и переплётami, на полках стояли пёстрые разнокалиберные книжки. Даже не верилось, что вся эта сказочная волшебная атмосфера скоро нарушится, вспыхнет свет и начнётся обычная утренняя сутолока.

Если её видела воспитательница, Ирина кивком головы здоровалась с ней и послушно шла в умывальник, где включала воду, шумно плескалась, но намыливала себе только кончик носа, потом его вытирала и возвращалась обратно. Если же воспитательницы не было, девочка сразу шла к шкафчику с посудой: умываться она не любила.

По традиции расставлять посуду должен был тот, кто утром появлялся в группе первым. Само собой, никому не хотелось возиться с тарелками, чашками и ложками, и все предпочитали разгладить лишнюю складочку у себя на одеяле, поровней положить подушку или подольше почистить зубы, лишь бы появиться в группе после кого-нибудь. А мальчишки все как один вообще считали обязанность сервировать стол ниже своего достоинства.

Ирина всегда поднималась первой, поэтому расставлять посуду как-то незаметно стало её обязанностью. И даже если девочка по каким-либо причинам задерживалась, то все ждали именно её.

В это утро всё было совсем по-другому: Ирина проспала.

Она проснулась от шума голосов. Вскочила. Начала быстро одеваться. Бросила взгляд на часы: десять минут восьмого.

Ирина лихорадочно быстро оделась и принялась застилать постель. Расправлять простынь уже не было времени, пришлось просто накинуть одеяло, покрывало, бросить на место подушку и придать этому слабое подобие порядка.

Заправить её можно будет потом, после завтрака.

Тут и думать не надо: тарелки по столам, конечно, никто не расставил – все ждут Ирину, будто она им обязана каждый день на стол накрывать!

Девочка сделала несколько шагов в сторону двери и обернулась. Со стороны кровати выглядела нормально. Если специально не приглядываться, то и не скажешь, что она почти не заправлена...

Взгляд её упал на часы. Было уже пятнадцать минут восьмого. Через пятнадцать минут начинался завтрак, а в группе ещё пустые столы!

И тут Ирина заметила, что около кровати новенькой стоят, негромко переговариваясь, несколько девочек. Она тихонько подошла к ним и остановилась, выглядывая из-за спин.

Новенькая спала, с головой укрывшись одеялом, были видны только её длинные, рассыпанные по подушке светло-русые волосы и кусочек розового уха.

– Кто это такая? – Недовольно пробурчала Брайцева. Ожидая ответа, она с высоты своего роста оглядела собравшихся. Ирина едва доставала ей до плеча.

– Её, наверное, ночью привезли, предположила Лида – худенькая, очень загорелая девочка. Она была крайне любопытна и каким-то образом всегда ухитрялась находиться в курсе последних событий.

Настя вздохнула. Если уж Родионова ничего не знала, то у всех остальных спрашивать было бесполезно.

– Разбудить? – Заглядывая в глаза Брайцевой, спросила Лера и, будто оправдываясь, пояснила. – Уже подъём был, а она тут разлеглась.

Валерия побаивалась не только Брайцеву, но и вообще всех, даже Ирину и Вику, однако она пыталась показать всем, что ни перед кем не заискивает, и чем больше она старалась это сделать, тем больше это бросалось в глаза.

– Пусть спит, – решила Брайцева, – а то ещё Людка визжать начнёт, вони потом не оберётся.

Людкой все ребята за глаза называли Людмилу Ивановну.

Вдруг кто-то из девчонок, незаметно подобравшись сзади, весьма ощутимо хлопнул Ирину по затылку:

– Немка! Ты чего тут делаешь? А ну, пиздуй столы накрывать! Мы-то все думаем, куда ты подевалась!

Ирина пулей выскочила из спальни.

Шкафчик с посудой стоял рядом со столом воспитательницы. Он был совсем низенький, Ирина при своём более чем миниатюрном росте могла, хотя и с трудом дотянуться до верхней полки. Стенки шкафчика были густо обклеены переводными картинками из упаковок с жевательной резинкой. Наклейки регулярно сдирались воспитательницами, но так же регулярно появлялись вновь.

Людмила Ивановна перебирала какие-то бумаги. Вид у неё был слегка взъерошенный. Похоже, она тоже не выспалась и встала совсем недавно. Наверное, Ирина со стороны выглядела не лучше. Она кивком головы поздоровалась с воспитательницей, но та этого не заметила и рассеянно продолжила просматривать какие-то записи.

Ирина с трудом открыла тугую дверцу и взяла с полки стопку тарелок. Маршрут был привычен. Иногда девочка с усмешкой думала, что если бы под ногами был не пол, а земля, то она бы давным-давно уже протоптала бы между столиками тропинку.

«А ведь у нас больше свободных мест нет, – неторопливо размышляла Ирина, расставляя тарелки, – только за моим столиком. Значит, новенькая будет со мной сидеть. Здорово! Валерка её, наверное, обижать будет. Надо ей как-нибудь сказать, чтобы она... как-нибудь так... не очень с ним. Она ведь никого не знает, тем более, Валерку. Возьмёт, да и разозлит его... С другой стороны, то, что она никого не знает – очень хорошо. Пока она ещё здесь не освоилась, мне будет легче к ней подойти. Она будет рада любому, кто хоть чуть-чуть поможет ей в первые дни... Хотя может она вовсе не захочет со мной дружить. Кому я такая нужна... Ой, чуть не забыла, на этот столик нужно ставить одну тарелку, а не две – Коля Абрамов в больнице»

И Ирина тут же начала думать про Колю Абрамова, как он там, бедненький, лежит в больнице, и как ему там скучно. Вокруг одни взрослые. Кто читает, кто в шахматы играет, кто радио слушает, а кто просто лежит в потолок смотрит, никто и не подумает, что ребёнку тоскливо

вот так вот одному, что с ним хотя бы немножечко поговорить нужно. Именно поговорить, а не сюсюкаться.

Ирина не любила, когда взрослые разговаривали, словно какие-нибудь мультяшные персонажи. Она уже два раза была в больнице и знала, каково там. Хуже всего, когда в палате одни дети. Тогда надо постоянно следить, чтобы никто не узнал, что ты из детского дома, а то затюкают сразу же. Ирина не понимала, почему их, детдомовцев так не любят остальные дети. Только врачи всегда были почему-то все хорошие и добрые. Может их специально учат, как с детьми разговаривать?

Ирина оглянулась на воспитательницу.

Людмила Ивановна сегодня была злая. Даже не поздоровалась. И вчера ночью что-то такое обидное сказала... Ага: что с Ириной тут все мучаются. Ага, как бы ни так! Мучаются! А с Валеркой они не мучаются?! А Андрей Агейцев тоже, наверное, мальчик-цветочек?! А с Ириной мучаются! Вот, всегда так. Улыбаются, глядят по голове, а на самом деле, думают всякие гадости. Хоть бы сказали, почему они с тихой Ириной мучаются, что она неправильно делает, она бы сразу исправилась. А то молчат.

Наконец Ирина добралась до последнего большого стола и поставила три тарелки, потом задумалась, нужно ли накрывать на новенькую. Та, конечно, ещё спит – но вдруг Людмила Ивановна будет её будить?

Девочка вытащила из кармана кофточка записную книжку, по-детски круглым почерком вывела несколько слов и, подойдя к воспитательнице, протянула её оторванный листок. Людмила Ивановна, подняла, наконец, глаза от своих бумаг и прочла написанное:

«ЛII! На новенькую нужно накрывать?»

Воспитательница удивлённо подняла брови, как будто не ожидала, что она будет знать о новенькой, и спросила:

– Она уже проснулась?

Ирина отрицательно покачала головой.

– Тогда пусть спит. Мы её потом покормим. Отдельно.

Теперь предстояло расставить стаканы и разложить ложки. С ложками было проще. Их можно было взять за один раз. А вот стаканы, мало того, что они очень тяжёлые, они ещё были стеклянные. С подносом идти было опасно, каждый норовил подставить подножку. А без подноса много стаканов не унесёшь. Тем более, их нельзя вкладывать один в другой: это негигиенично. Приходилось брать по четыре стакана за раз.

Постепенно группа начала заполняться детьми.

Закрывая дверцы шкафчика, Ирина каждый раз поворачивалась ко всем спиной, и с закрытыми глазами пыталась угадать, кто сейчас проходит мимо. Это была своеобразная примета: если удавалось правильно угадать первого человека, то день должен быть удачным.

«Та-ак, шаги лёгкие, едва слышные. Девочка, однозначно. Мальчики топают, как слоны. А кто из девчонок? Не Брайцева – это точно, она топает, как все мальчишки вместе взятые... Одежда как-то странно шуршит. Что же она делает? Кофту застёгивает? Нет, не похоже... И ещё что-то щёлкнуло... Заколка! Волосы расчёсывает! Надя! Тихонина!»

Всё это промелькнуло в голове Ирины в долю секунды. Она обернулась. Да, перед ней действительно стояла Надя. Как всегда аккуратная, чистенькая, холёная. Даже шаги у неё были такие, будто она не шла, а летела над полом. И волосы у неё были длинные, светлые, очень густые – любому впору было залюбоваться – именно поэтому она трепетно за ними ухаживала, выпрашивала у воспитателей какие-то хорошие дорогие шампуни, гели, и постоянно их расчёсывала.

Несколько дней назад к ним в группу приходила парикмахер. Она сказала, что у Нади очень красивые и «удобные волосы», а потом долго возилась, как-то по-особенному укладывая их. Где-то в глубине души Ирина надеялась, что её волосы тоже окажутся красивыми и «осо-

бенными», но женщина не обратила на неё особого внимания, сделала ей обычную детдомовскую стрижку, обрезав волосы до плеч, и Ирина отошла в сторону, уступая место Вике. Та была последней.

Надя была самой красивой девочкой в группе. И не только в группе, но и, наверное, во всём детском доме. Она дружила с мальчишками, которые были гораздо старше её. Не раз Ирина с завистью думала, что если кто-то захочет забрать какого-нибудь ребёнка из детского дома в семью, то этим ребёнком обязательно окажется Надя.

Будто почувствовав на себе чужой взгляд, Тихонина резко обернулась и встретила глаза с Ириной.

– Чё вылупилась? – Недовольно буркнула она, дёрнув подбородком. Это был её обычный жест.

Ирина шмыгнула в сторону.

Из-за крыши стоявшего через дорогу огромного серого здания выглянуло солнце. Его луч ударил по оконному стеклу и разбился на миллионы отблесков, которые заплесали по всей комнате, расцвечивая пол в ровную сетку прямоугольников от оконной рамы.

Нет, всё-таки всё очень даже хорошо. Даже погода – и та просто великолепная. И никакая Тихонина такого лучезарного настроения испортить не сможет. Тем более в сегодняшний юбилей. Десять лет – это ведь юбилей?

Только бы дотерпеть до конца завтрака, а там и обед уже скоро!

Перед обедом воспитательница должна будет открыть журнал группы и на очередной странице, посвящённой сегодняшней дате, увидеть, у кого сегодня день рождения. Такие журналы заполнялись каждого двадцать пятого числа на месяц вперёд. И в прошлый раз, двадцать пятого апреля, должны были обязательно написать, что у Ирины сегодня день рождения.

И об этом вся группа узнает в обед.

Глава 5

Каждый приём пищи был для Ирины сущим мучением. Ей всегда приходилось с трепетом ждать, сначала – завтрака, затем – обеда и, наконец, – ужина, потом – снова завтрака. И так повторялось изо дня в день вот уже больше двух лет, с тех пор, как её посадили за столик к Валерке Кудинову.

Валерка – маленький и прыщавый мальчишка с самой что ни есть отталкивающей внешностью – над ней постоянно издевался, делал мелкие и крупные пакости, и достигал в этом такой виртуозности, что мог довести Ирину до слёз буквально за несколько секунд. Девочка старалась не плакать – в детдоме это было не принято, но её безответность злила Валерку ещё больше.

Сейчас он сидел на своём стуле, широко расставив ноги в потёртых джинсах, опирался ладонями на колени, смотрел в сторону и со смехом что-то рассказывал Мише Логинову за соседним столиком.

Ирина тихонько, стараясь не шуметь, отодвинула стул, привычно провела рукой по седушке и, убедившись, что там ничего не подложено и не налито, аккуратно присела на краешек.

Повара принесли из кухни кастрюлю с кашей. Людмила Ивановна с поварёшкой в руке принялась обходить столики и разливать её. Стол Ирины был последним.

«Специально она так медленно идёт, что ли?.. Может сегодня Валерка забудет про меня? Не, навряд ли, такого ещё не было... О чём это он говорит? Шварценеггер, Терминатор какой-то... А, теперь понятно, что они ночью у нас в группе смотрели... Какие же всё-таки мальчишки глупые, что им такая ерунда нравится... Ну, где там Людмила Ивановна?! Ещё два столика осталось. Побейте же!»

Ирина превратилась в комок нервов. Она упорно смотрела в центр своей пустой тарелки, но это только так казалось на первый взгляд – на самом деле девочка внимательно следила за каждым движением своего соседа. Валерка мог только притворяться увлечённым разговором, а на самом деле готовить какую-нибудь пакость. Недавно, например, он так сильно толкнул Ирину, которая на несколько секунд потеряла бдительность, что она упала на пол вместе со стулом. Ольга Дмитриевна, конечно, отругала хулигана, но Ирине от этого легче не стало, ну, разве только самую малость, а спина после этого болела ещё несколько дней.

Забывшись, Ирина оторвалась от созерцания своей тарелки, подняла взгляд и встретила глазами с Валеркой.

– Немка! – Обрадовано завопил он. – Ты чего – совсем охуела?!

Ирина непонимающе захлопала глазами. Воспитательница оглянулась на них.

– Людмила Ивановна! – Заныл Валерка. – Немка меня без компота хочет оставить!

Ирина расширила глаза. Она по-прежнему ничего не понимала.

– Она мне кружку не поставила! – Объяснил, наконец, мальчик и победоносно воззрился на свою соседку по столу.

Ирина могла поклясться чем угодно, что кружка на столе была. Впрочем, ей сразу стало понятно и то, куда она делась – Валерка прятал за спину левую руку.

Людмила Ивановна подошла к их столику и начала раскладывать по тарелкам кусочки масла.

– Ириша, принеси, пожалуйста, кружку! – Попросила она. – А ты, Валера, не ругайся.

Если бы Ирина умела говорить, то она сразу бы объяснила, где кружка и что она не винювата, но пока достанешь записную книжку, пока напишешь, пока воспитательница прочтёт, потом ещё получать от Валерки, а если уж кто-нибудь додумается обозвать её стукачом... Проще было исполнить просьбу воспитательницы.

Девочка поплелась к шкафчику с посудой.

По дороге она размышляла о том, какая Людмила Ивановна молодец, что всегда называет её не Ирой, не Ириной, а именно Иришей – ей очень нравился такой вариант своего имени. И ещё она любила, когда её называли Иринкой, но так её совсем никто никогда не звал.

Как Ирина и ожидала, когда она подошла к столику с кружкой в руках, все кружки уже стояли на столе, а в ответ на её появление раздался дружный смех

Пришлось опять возвращаться к шкафчику, чтобы поставить всё обратно.

Ирина вспомнила смеющееся лицо Валерки и почувствовала, как против воли её собственное лицо передёрнулось в гримасе отвращения. Какой же он всё-таки был некрасивый – маленький, прыщавый, противный... И улыбка у него была бессмысленная, как у слабоумного, который увидел что-то блестящее и смеётся, разве что только слюни не пускает.

«Теперь понятно, – подумала Ирина, – почему родители отдали его в детский дом. Я бы тоже такого отдала. Только представлю, как целую его в лоб перед сном – тошнить начинает... Впрочем, нет, когда он попал сюда, он ещё нормальным был...» – И девочка вспомнила плачущего в раздевалке малыша, размазывающего по лицу обильные слёзы.

Когда Ирина вернулась за свой столик, её ожидал ещё один неприятный сюрприз. Во всех тарелках по каше расплывались огромные ярко-жёлтые пятна от масла, а поверхность её каши была абсолютно чистой, ровная молочная гладь лишь подёрнулась лёгкой пенкой. Валерка с остервенением что-то размешивал у себя в тарелке.

Ирина вздохнула и принялась за еду.

Глава 6

Когда завтрак был в самом разгаре, дверь распахнулась и в группу быстро вошла молодая светловолосая женщина в светлом плаще, принесла с собой тонкий, едва уловимый аромат духов. Ирина даже не взглянула в её сторону – она прекрасно знала, кто это пришёл и зачем.

Во время завтрака происходила пересменка воспитателей. Раньше в группе было три воспитательницы, но одна из них совсем недавно переехала жить в другой город, поэтому их осталось только двое – Людмила Ивановна и Ольга Дмитриевна. Людмила Ивановна дежурила со вчерашнего утра, так что сейчас могла появиться только Ольга Дмитриевна.

Они были очень разные. Особенно это было видно, когда воспитательницы находились рядом друг с другом, вот как, например, сейчас. По сравнению с низенькой, престарелой и некрасивой Людмилой Ивановной, Ольга Дмитриевна выигрывала во всех отношениях, но Ирине всё равно больше нравилась Людмила Ивановна. Она была добрее.

Когда в группе работала Ольга Дмитриевна, Ирина ясно чувствовала, что она именно РАБОТАЕТ. Нельзя было сказать, что она что-то делала не так, напротив, всё, что нужно, она выполняла хорошо; ко всем детям относилась ровно и благожелательно, никогда не кричала и не дралась, а если была чем-то раздражена, то, по мере сил, старалась этого не показывать. Её можно было сравнить с идеальной воспитательной машиной.

Однако такая вот бездушная правильность претила Ирине, которая не раз думала, что пусть бы лучше Ольга Дмитриевна накричала на неё, нахлопала по попке, но зато чтобы потом, когда никто не видит, можно было бы усестись к ней на колени и крепко обнять. Это ведь не так-то уж и много.

Людмила Ивановна раньше разрешала так делать, Ольга Дмитриевна – никогда. Никто из детей даже и не мог и помыслить чего-нибудь подобного.

Впрочем, Ирина всё-таки не удержалась и бросила взгляд в сторону воспитательниц. Людмила Ивановна за своим столом по-стариковски мелкими глоточками прихлёбывала из стакана чай.

– Здравствуйте, Людмила Ивановна.

– Здравствуй, Олечка!

– Ну, как тут у вас?

– Всё хорошо.

– Абрамов всё ещё в больнице?

– Да. Врач сказал, пусть ещё несколько дней полежит. Грипп тяжёлый, ещё перезаразит весь класс.

– Понятненько.

– Можешь сегодня сходить к нему с ребятами? Коля будет рад.

– Ближе к вечеру, – бросила Ольга Дмитриевна, снимая плащ и вешая его на вешалку рядом с курткой Людмилы Ивановны. Вешалка была привинчена к торцевой стене шкафчика с посудой.

Странное выражение глаз Людмилы заставило её озадаченно нахмуриться.

– Что-нибудь случилось?

– Нет... То есть, да... Но об этом ещё никто ничего не знает.

– В каком смысле – никто?

– Вообще – никто. Даже Андрей Васильевич.

– Подождите, давайте по порядку.

Людмила Ивановна начала громким шёпотом пересказывать уже известные Ирине ночные события. Девочка ловила каждое слово. Чтобы быть понезаметнее, она ещё больше склонилась над тарелкой и кончики волос измазались в каше.

Заметив, что к ним начинают прислушиваться дети, женщины вышли в прихожую и продолжили разговор там. Только они скрылись за дверью, ребята тут же зашумели и, сколько Ирина не напрягала слух, ей не удалось расслышать ни одного слова.

Разговор в прихожей неожиданно прервался. Дверь распахнулась, и воспитательницы зашли в группу. У Ольги Дмитриевны был торжествующий и самодовольный вид, какой бывает у человека, исполнившего свой долг и испытывавшего от этого удовольствие. Людмила Ивановна, напротив, ни на кого не глядя прошла к своему столу и принялась одеваться. Губы её были скорбно поджаты.

– Милочка, Вы сами не понимаете, что Вы наделали, – продолжила Ольга Дмитриевна, которая раззадорилась до такой степени, что ей уже было всё равно, слышат её дети или нет. – К Вам ПОДКИНУЛИ, – она выделила голосом это слово, – ребёнка, и Вы, не спрашивая ни Андрея Васильевича, ни кого-либо из администрации, ни хотя бы меня (У вас моего телефона нет?!), сами, Вы слышите – САМИ приняли решение его взять. Это даже не самоуправство, это... я даже не знаю, как это можно назвать!

Демонстративно не дослушав, Людмила Ивановна вышла из группы, громко захлопнув за собой дверь. Ольга Дмитриевна некоторое время смотрела ей вслед и, если судить по сузившимся глазам, что-то напряжённо обдумывала, потом быстрыми шагами отправилась в девичью спальню.

Ирине раньше никогда не приходилось видеть, как ссорятся между собой взрослые люди, тем более воспитательницы. Возникало ощущение, будто прямо на глазах начал рушиться уютный детдомовский мирок.

Конечно все дети чувствовали, что их наставницы не очень ладят между собой, для этого не нужно было иметь особой наблюдательности; Ольга Дмитриевна при каждом удобном случае, особенно в присутствии Андрея Васильевича, старалась показать, какая она хорошая, активная, как умеет ладить с воспитанниками, а любая ошибка Людмилы Ивановны тут же становилась известна начальству в самом неприглядном свете.

Детей не могли обмануть ни постоянные улыбки, ни приветливые жесты, ни вот эти обращения: «Олечка», «Людмила Ивановна» (на «Вы»!) – по многочисленным мелким признакам, которые просто лезли в глаза, все дети точно знали, что их наставницы испытывают друг к другу взаимную неприязнь, причём виновата была всё-таки большей частью Ольга Дмитриевна. Хотя так же поступала и Людмила Ивановна, наверное, просто как старая женщина недолюбливает молодую.

Однако явно эта вражда до сих пор никогда не выражалась.

Ирина не могла понять, что такого страшного произошло: ну, подумаешь, такого – в спальню пустили переночевать новенькую девочку. Правда, без разрешения Андрея Васильевича... Неужели это так серьёзно? Теперь, наверное, у Людмилы Ивановны настроение испортится надолго.

Ирина сама чуть не расплакалась от расстройства. И кто сказал, что всё хорошо? Это оказалось на редкость неудачное утро! У Ольги Дмитриевны, скорее всего, не хватит терпения дожидаться, пока новенькая проснётся, она разбудит её сама, потом ещё позовёт Андрея Васильевича и начнётся суетолака.

«И всё это обязательно должно было случиться в мой день рождения! – Ирина мрачно черпала ложку за ложкой, не замечая этого. – Не вчера, не позавчера, не три дня назад, ни даже завтра, а именно сегодня!... Как бы Людмилу Ивановну вообще не уволили отсюда. Ольга Дмитриевна за неё ведь заступаться перед директором не будет, наоборот, понаговорит всяких гадостей. А Андрей Васильевич, конечно, Ольгу Дмитриевну будет слушать, она у него на хорошем счету, постоянно нас по музеям водит, на концерты всякие, в кино, в церковь, один раз даже в театре были... Как же он её однажды назвал? „Самый активный педагог“... Фу, слово-то

какое паршивое – педагог... С Ольгой Дмитриевной, конечно, интереснее, но Людмила Ивановна всё-таки лучше. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы у неё всё было в порядке?»

Завтрак заканчивался.

Вскоре Ольга Дмитриевна на цыпочках вышла из спальни и аккуратно прикрыла за собой дверь.

«Молодец, не разбудила», – успокоилась Ирина.

– Соколова!

Она была настолько занята своими мыслями, что не сразу поняла, что зовут её. Застигнутая врасплох, девочка большими испуганными глазами воззрилась на воспитательницу.

– Соколова, почему постель неаккуратно заправлена?

Про кровать Ирина совсем забыла. Если бы она умела говорить, то, конечно, сказала бы, что сегодня проспала, что хотела заправить постель чуть попозже, после завтрака; но вместо этого быстро-быстро закивала и села на своё место. Ольга Дмитриевна знала, что ответит её воспитанница, поэтому уже давно смотрела в сторону, занявшись своими делами.

Ирина опустила глаза в стол. И как только Ольга Дмитриевна всё замечает? Вот ведь и вправду, не человек, а робот какой-то!

Глава 7

Ольга Дмитриевна сидела за своим столом и о чём-то напряжённо размышляла. Ирина старалась на неё не смотреть: она точно знала, что воспитательница сочиняет речь для Андрея Васильевича, чтобы тот посильнее отругал Людмилу Ивановну.

Неожиданно воспитательница встала. Одёрнув свою кофту, женщина подняла руки над головой и несколько раз хлопнула в ладоши. Это был её обычный способ привлечь к себе внимание перед каким-нибудь объявлением.

Дети притихли. Ирина запаниковала. Она не была готова, что всё произойдёт настолько быстро. Неужели будут поздравлять прямо сейчас?!

Где-то в области солнечного сплетения привычно возник неприятный холодный комочек страха.

Ирине очень не нравилось общее внимание. Например, в школе, даже если она очень хорошо знала урок и её вызывали к доске, девочка вспыхивала, руки её начинали мелко дрожать, а когда она поворачивалась к доске, то, чувствуя спиной взгляды одноклассников, забывала всё, что только можно было забыть, даже саму тему урока.

Сейчас, только при одной мысли, что воспитательница будет при всех говорить ей всякие приятные слова, Ирина чувствовала, что лицо её начинает гореть.

– Ребята! – Ольга Дмитриевна бросила взгляд на будильник, стоящий перед ней на столе. – Ребята! Через сорок минут мы пойдём на Причастие, подготовьтесь, пожалуйста, к исповеди.

И тут Ирина вспомнила, что сегодня воскресенье, а в воскресенье Ольга Дмитриевна всегда куда-нибудь водила ребят. И было не понятно, чего Ирина так испугалась: ведь поздравляли всегда на обеде, а не на завтраке.

Девочка с облегчением перевела дыхание. Хоть что-то за сегодняшний день сложилось удачно. Она поставила кружку в пустую тарелку, хотела встать, оглянулась по сторонам и осталась сидеть; пустую посуду пока ещё никто не пошёл относить, а быть первой она не хотела. Зачем лишний раз высовываться?

Мысли потекли ровно и спокойно.

Хорошо, что они сегодня в церковь идут. Это лучше, чем какой-нибудь музей или выставка. Ирина никогда не понимала, как кому-то может нравиться смотреть на картинки. Рисовать – это другое дело. А смотреть на чужие было как-то скучно. И даже, наверное, глупо»

В церкви был батюшка. Каждая встреча с ним становилась для девочки небольшим праздником.

Ирина помнила, как, впервые войдя в храм, ей было лет шесть, чуть не бросилась обратно, настолько была испугана тишиной и большеглазыми тёмными ликами икон, которые смотрели на неё со всех сторон.

У Ирины об этом первом посещении осталось ещё одно воспоминание – ряды подсвечников из жёлтого металла (она была уверена, что это золото) и горящие на подсвечниках свечи, распространяющие вокруг себя очень уютный и домашний запах горящего воска. Иногда свечи потрескивали и плавились. Некоторые от сильного жара, если вокруг горели другие свечи, размякали и чуть отклонялись в сторону, тогда две свечи горели вместе и догорали очень быстро, а, догорев, ярко вспыхивали на несколько секунд и гасли, выпуская из себя тоненькую струю сизоватого дыма.

Всё то время, что Ольга Дмитриевна разговаривала с батюшкой, крепким седобородым стариком в странной жёлтой накидке на плечах, Ирина смотрела на подсвечники и на свечи. И ещё она обратила внимание на священника. Девочка видела его только со спины, он напоминал ей какого-то доброго сказочного чародея. Через несколько минут Ирина осмелела, пере-

стала вместе с другими ребятами жаться к стене и прятаться за подсвечниками, и принялась бродить по храму, тихой неслышной тенью скользя между стоящих людей и с боязливым интересом озираясь по сторонам. Её никто не замечал.

Тогда она впервые увидела икону, которая ей очень понравилась. Понравилась настолько, что, каждый раз, заходя в храм, она шла прежде всего к ней и большую часть времени, которое была в церкви, стояла именно около неё.

На иконе были изображены женщина и младенец. Женщина держала ребёнка на руках и смотрела на него, он тянул руки к ней. Казалось, они всем своим существом стремились друг к другу.

Только позже Ирина узнала, что мальчик – это сам Бог, а женщина – Его мама. На иконе было ещё что-то написано мелкими полупонятными буквами. Тогда Ирина только научилась читать. Она напрягла зрение и с трудом, по складам, прочитала:

– Вла-ди-мир-с-ка-я.

Тогда, в первый раз, она простояла перед иконой очень долго. Потом, уже после Причастия, которое ей совсем не запомнилось, будто ничего и не было, наспех прошла по храму, но ей больше ничего так сильно не понравилось. В памяти остались обрывки впечатлений: какие-то непонятные человеческие фигуры, пугающе тёмные большеглазые, по-аскетически худощавые лики святых. Было даже несколько икон, где тоже были изображены Богородица с младенцем, но все эти иконы были какие-то не такие, как первая.

Потом было многое, но это множество впечатлений, связанных с посещениями церкви, не заслоняли того, что было в первый раз, и как только Ирина заходила в храм, она сразу шла к знакомой иконе.

Иногда думалось, что если бы у неё была мама, то она села бы к ней на колени, обняла бы её так же, как мальчик на иконе обнимает свою маму – и тогда, кажется, счастливее Ирины не было бы никого на свете!

Впрочем, среди детдомовцев желание иметь родителей считалось признаком слабости, поэтому никто никогда не признавался, что хочет жить в семье. Но Ирина была уверена, что ребята притворялись друг перед другом, говоря, что проживут и в детдоме и не хотят, чтобы кто-то ими командовал...

Все зашумели, сдавая тарелки. Грязную посуду носили на первый этаж по очереди. Сегодня «повезло» Серёже Кравцову. Он пытался уместить все тарелки, ложки и кружки на двух подносах. Проще было бы, конечно, уместить всё на трёх, но тогда бегать вниз придётся три раза, а так – только два. Тем более, если кто-нибудь поможет.

«Маша, конечно, кто же ещё. – решила Ирина. – Они всегда друг другу помогают. А что, если, – девочка даже остановилась от этой неожиданной мысли, – а что, если я ему помогу? Он ведь не будет злиться. Хотя, нет. Машка обидится. Она и так в последнее время какая-то дёрганная, а тут ещё я... Тем более, к исповеди приготовиться надо. А осталось всего, – Ирина взглядела в циферблат стоящего на преподавательском столе будильника, – полчаса»

Надо было торопиться.

Вбежав в спальню, Ирина резко, словно натолкнувшись на невидимую преграду, остановилась. Она – подумать только – совсем забыла о новенькой и лишь теперь вспомнила, увидев, как в аккуратном ряду заправленных кроватей выделяется одна, на которой спит незнакомая девочка.

Кроме Ирины в спальне больше никого не было.

«Интересно, какое у неё лицо? Я, оказывается, очень хочу узнать, какое у неё лицо, – удивилась она сама себе. – Странно, почему это? Красивое, наверное, лицо. Как у Нади. И сама она такая... тоненькая. Выше, чем наши девчонки... Хотя, с чего это я взяла, под одеялом не видно...»

Ирина принялась разглядывать аккуратно висящую на спинке кровати одежду новенькой: джинсы; джинсовую куртку; кофту – кофта очень красивая, пушистая и белая, с розовыми цветами.

Теперь понятно, что их владелица не может быть из детского дома – это точно. Слишком уж хорошая это была одежда, не детдомовская... Значит, девочка всё-таки из семьи. Бедняжка! Теперь Ирине стало понятно, почему она плакала. Любой бы на её месте заплакал, если бы родители погибли.

Откуда Ирина взяла, что родители новенькой девочки погибли? Это было совсем просто. Ирина в одно мгновение «разложила по полочкам» всё, что успела узнать о новенькой и сделала свои выводы.

Бросить её родители не могли, бросают обычно детей, которые не нужны, а если ребёнка не любят, то зачем покупать ему такую красивую и очень дорогую одежду? Например, Валерка Кудинов, когда появился в детдоме, на его одежду смотреть было страшно. А то, что было на Вике даже и одеждой нельзя было назвать. Из другого детского дома девочка сбежать не могла, ни в одном детском доме, уверена была Ирина, ТАК не одевают. Остаётся только одно – её родители внезапно куда-то исчезли. А как они могли внезапно исчезнуть? Только умереть.

И погибли её родители совсем недавно, иначе бы она не была так расстроена. Теперь стало понятно и то, почему она сидела ночью, в парке, на скамейке, одна. Её родители, наверное, перевернулись на машине или случилось что-нибудь такое, а она долго, до ночи, бродила по городу, зашла в парк – вот тут-то её и подобрали. Только вот почему она домой не пошла? Может она из другого города?

Ирина прислушалась к своим ощущениям. Странно, теперь она даже боялась взглянуть в лицо спящей, хотя точно знала, что теперь она – одна из них. Наверное, ей самой было бы очень приятно, если бы она спала, а кто-нибудь стоял рядом и смотрел ей в лицо.

Ирина вернулась к своему месту. Чтобы успеть написать исповедь, кровать она решила застелить потом, после возвращения из церкви..

Как же всё-таки неудачно получилось: она совсем на немножечко проспала, а вышло уже столько проблем!

Усевшись на корточки, Ирина открыла дверцу своей тумбочки. Делить её приходилось с Катей Разумихиной, кровать которой стояла рядом, через проход. Когда Катю перевели на её нынешнее место, она тут же оккупировала верхнюю полку – та была в два раза больше, чем нижняя. Ирина на это нисколько не обиделась. Даже если бы всё случилось по-другому, она всё равно отдала бы соседке большую полку – у неё самой вещей было совсем немного.

Катина половина сразу оказалась забита до предела нужными и ненужными мелочами, игрушками и безделушками. Здесь были и кусочки красивой материи, и сломанные куклы, и детские электронные часы без батареек, множество использованных фломастеров и сломанных карандашей, какие-то газеты, вырезки из журналов, наклейки из жевательных резинок и ещё многое и многое другое.

Только Ирина открыла дверцу тумбочки, как ей под ноги выпал клубок, за которым потянулась нитка.

Девочка засунула клубок обратно. Какая же всё-таки Катя была неряха! А вот интересно, если бы она жила в семье и у неё была целая комната игрушек – что тогда? В эту комнату, наверное, даже нельзя было бы зайти!

Зато на полочке у Ирины был абсолютный порядок. Каждой вещи было отведено своё, строго определённое место, и даже если кто-нибудь отодвигал что-то на несколько сантиметров в сторону, она это тут же замечала.

У задней стенки аккуратной стопочкой были сложены блокноты для рисования, рядом находилась стопка тетрадей, завершал ряд потрёпанный томик Сент-Экзюпери «Маленький принц» и книжка с комиксами из «Ну, погоди!»

Ещё в тумбочке лежала аккуратно завернутая в покрывало кукла Дина. Ирина очень любила её – это была самая несчастная из всех кукол: она почти полностью облысела, правая рука её была искорёжена, а щёки нелепо разрисованы красным фломастером. Уже в самом начале, когда эту куклу привезли в числе прочих пожертвованных игрушек, с ней никто не играл, а потом и вовсе начали ломать, швыряя из угла в угол. Ирина попросила у воспитательницы взять её себе, и она разрешила. Так вот Динка поселилась у Ирины в тумбочке.

Рядом с куклой стоял стаканчик с авторучками. Все они в разное время были подарены Людмилой Ивановной. Ручки периодически пропадали (Ирина знала, что их воровал Андрей Агейцев), но так же периодически Людмила Ивановна дарила новые, не забывая снабжать девочку и маленькими записными книжками. За это Ирина была ей очень благодарна: благодаря этим подаркам девочка имела возможность общаться с окружающим миром.

Последнее, на что можно было обратить внимание, была небольшая коробочка из-под жевательной резинки. В ней хранились всякие ценные мелочи. И хотя Ирина собирала их многие годы, начиная лет, наверное, с пяти, «сокровищ» было совсем немного. На самом дне лежала открытка, которую Витя Корнеев подарил ей два года назад на 8 марта. На ней было написано «Ира! Поздравляю с праздником!» Девочка очень берегла этот подарок. Ей было приятно читать своё имя, да и Витя ей нравился больше, чем все остальные мальчишки.

Вслед за открыткой Ирина вытащила из коробочки два разноцветных камешка, которые она считала драгоценными. На ярком свете они переливались мелкими блёстками, а в полумраке их поверхность казалась матовой. Эти камешки Ирине однажды удалось отыскать около какого-то магазина, прямо под ногами, на асфальте.

Ирина потрогала рукой их гладкую тёплую поверхность, потом положила их на пол, рядом друг с другом.

Вскоре около них появилась заколка для волос. Она была сломана. Девочка хранила её только из-за того, что заколка была очень красивая, голубая, с маленькими золотистыми звёздочками. У Ирины вообще самым любимым цветом был голубой, потому что это был цвет чистого неба, на которое она очень любила смотреть.

Именно поэтому, когда Ирина впервые пошла в школу, то из связки бантиков, который дали детям, она тут же выхватила голубой. Этот бантик, аккуратно свёрнутый в рулончик, хранился здесь же. К сожалению, после того 1 сентября одеть этот бантик больше не пришлось. У воспитательницы постоянно не находилось времени копаться с бантиками, а уже во втором классе девчонки сами не захотели их одевать, выросли, говорили, что это несовременно, что не будут смешить людей, и, хотя сами были лишь на год старше, на первоклашек в бантиках смотрели презрительно-высокомерно.

А Ирина даже сейчас с удовольствием одела бы бантик. Ей было всё равно, что скажут другие, сама для себя она решила, что это всё-таки красиво.

Девочка чуть развернула рулон и взглянула на свет через тонкую ткань. Всё тут же преобразилось и стало голубым. Даже солнце заискрилось синими лучами.

«Вот было бы хорошо, если бы солнце всегда так светило, – подумала она. И тут же осеклась. – Нет. Лучше не надо. А то надоесть может. Да и глупо как-то, когда вокруг один синий цвет. Какой-нибудь цвет, я так думаю, только тогда виден, когда есть все остальные»

Ирина продолжила перебирать вещи. Она вытащила календарик, повертела его в руках, разглядывая. Рисунок на нём был не очень хороший, сфотографирована какая-то машина. К машинам девочка была абсолютно равнодушна, равно как и ко всей технике. Календарик же она хранила из-за того, что он был на этот год.

Отложив календарик в сторону, Ирина принялась перебирать связанные резиночкой для волос авторучки. Резинка всё равно была растянута, связывать ей волосы было неудобно, пришлось приспособить её для хранения ручек. Ручки были очень хорошие и, наверное, дорогие, во всяком случае писать ими было одно удовольствие. Единственный их минус заключался в том, что пасты у них были нестандартными: коротенькими и толстыми, с небольшим сужением на конце. Исписывать такие пасты можно было долго, но, исписав, нечем было заменить. Ирине даже в голову не могла прийти мысль выкидывать ручки, и она их сохраняла в надежде, что когда-нибудь кто-нибудь ей подарит нужные пасты. У неё не хватало совести просить их у Людмилы Ивановны: воспитательница и так достаточно заботилась о ней.

А ещё в коробочке из-под жевательной резинки лежало то, что девочка тщательно прятала от окружающих: пузырёк с лаком для ногтей, которого, правда, было совсем мало, на доньшке, и самая настоящая помада необычного лилового цвета. Ирина уже прикинула, что даже если она вырастет или ей сейчас вдруг разрешат красить губы, то она ни за что именно этим цветом помады не воспользуется. Тем не менее девочка не выкидывала тюбик: зная, что у неё есть «всамоделишняя» помада, она сама себе казалась значительно взрослей.

Вдруг Ирина вспомнила про исповедь. Копаясь в тумбочке, она совсем выкинула из головы, зачем сюда пришла.

Времени оставалось совсем мало.

Глава 8

Ирина лихорадочно принялась перебирать тетради. Где-то между ними должен был лежать листочек, где были написаны вопросы к исповеди. Ирина очень боялась потерять его, потому что вопросы на них писал сам батюшка.

Когда ребята пришли в храм в первый раз, отец Андрей после службы долго разговаривал с Ольгой Дмитриевной, а потом раздал ребятам листочки с вопросами, отвечая ну которые нужно было исповедоваться.

– Вы можете ответить письменно, – сказал батюшка, оглядывая стайку стоявших перед ним детей, они робели от непривычности обстановки и жались друг к другу, – чтобы ничего не забыть. Тем не менее, потом вы должны прочесть мне всё это вслух.

– У нас есть одна девочка, – робко, словно первоклассница подняла руку Ольга Дмитриевна, – она немая.

– Ну, тогда то, что она написала, ей читать необязательно, – юмористически хмыкнул отец Андрей и его взгляд задержался на Ирине, как будто он сразу понял, кто это немая девочка.

Потом он рассказал, кто такой Бог, какой Он, как Он создал небо и землю, весь мир вообще, как он сделал первых людей – Адаму и Еву и поселил их в рай, а они не послушались Бога, согрешили и были выгнаны из рая. Теперь человек не может жить и не грешить. Для того, чтобы бог простил грехи, в них нужно каяться, то есть рассказать всё плохое, что ты сделал, священнику, а Бог будет всё это слышать и прощать.

Сначала Ирина не понимала, зачем Богу нужно что-то рассказывать, если Он и так всё знает. А потом решила сама для себя, что всё правильно. Допустим, Людмила Ивановна знает, что Ирина разбила кружку, и может, конечно, простить её и так, без всякой инициативы со стороны провинившейся. Но насколько приятнее ей будет прощать, если Ирина сама подойдёт и признается в том, что сделала. Так и Бог. Он прощает человека, который сам к нему приходит и исповедуется в своих грехах. Тогда сразу ясно, что он их больше не повторит. Уяснив это для себя с первого же дня, Ирина всегда исповедовалась сознательно.

Ирина боялась исповедоваться. Действительно, кому может быть приятно рассказывать о том, что плохого ты сделал.

Девочка боялась, когда писала ответы на вопросы, боялась, когда шла в храм, боялась, когда стояла в толпе других детей, ожидая своей очереди. Но, оказавшись рядом с отцом Андреем, неожиданно успокаивалась. Лицо Ирины вспыхивало радостью, и она, пока старый священник читал её исповедь, с восторгом смотрела на батюшку, забывая всё на свете, даже то, что он именно сейчас читает её грехи и именно сейчас ей нужно стыдиться, а не минуту или полчаса назад, когда она всё это писала.

Девочке нравилось слово «батюшка», от него веяло чем-то родным, казалось, что на ощупь это слово мягкое и округлое, словно плотный комочек шерсти. «Батюшка», – повторяла она про себя, словно пробуя слово на вкус.

Когда Ирина фантазировала, пытаясь представить себе, какой могла бы быть её семья, то на месте родителей маячили бесформенные фигуры, бабушка напоминала Зинаиду Фёдоровну – уборщицу, а место дедушке прочно занимал отец Андрей. Ирина не раз ловила себя на мысли, что ей хочется сесть к нему на колени, обнять за плечи и зарыться лицом в мягкую белую бороду.

И когда Отец Андрей накрывал ей голову епитрахилью и тихонько говорил «Господь и Бог наш Иисус Христос...», девочка чувствовала лишь острое сожаление, что всё так быстро закончилось – и ничего больше не будет. Разве только Причастие, но там не происходило ничего особенно интересного. И Ирина с нетерпением ожидала следующего похода в храм.

Листок, наконец, был найден. Девочка поспешно сложила в тумбочку разложенные по полу вещи, захлопнула дверцу и побежала к выходу. По дороге бросила взгляд на часы. На всё осталось двадцать минут.

В группе у неё было любимое место.

Между умывальником и раскидистым растением в ведре, обмотанным потемневшей от времени фольгой, находилась небольшая скамеечка с сильно наклонённой седушкой. Когда-то она служила подставкой для одевания обуви и стояла около двери. Но так как ей никто никогда не пользовался, то её решили выкинуть, поставили в сторону и забыли, а потом к ней привыкли.

Эту подставку для обуви Ирина использовала как скамейку. Правда, сначала сидеть на ней было неудобно, но потом девочка приспособилась, надо было только сидеть так, чтобы наклон был назад, тогда спиной можно было прислониться к стене. Здесь было очень уютно, словно в какой-нибудь пещере. Большую часть группы от неё закрывали широкие листья растения, а неподалёку в пределах видимости находился воспитательский стол, это гарантировало относительную безопасность.

Ирина уселась на свою скамейку, разгладила руками тетрадный листок, подложила под него записную книжку, чтобы удобнее было писать, и развернула аккуратно сложенную бумажку с вопросами.

Ирина была единственной, кто ещё сохранил такую бумажку. Вообще она всегда старалась делать то, что ей говорили взрослые.

Остальные ребята, получив вопросы к исповеди, тут же начали их разбрасывать и терять. Тетрадные листочки, исписанные рукой отца Андрея, долго можно было видеть валяющимися повсюду, по всей группе и даже на улице Ирина сначала собирала их, а потом прекратила. Все листочки, кроме своего, казались ей чужими, казалось даже, что их писал не батюшка, а кто-то другой. Ирина сохранила только свой листочек.

В первой строчке листа Ирина написала крупными буквами *«отроковица Ирина, 10 лет»*, затем опустила глаза в шпаргалку с вопросами.

«1. Веришь ли ты в Бога?»

«Да, я верю в Бога»

На этот вопрос она всегда отвечала одинаково, не задумываясь. Действительно, если бы она не верила в Бога, то зачем ей нужно было читать эти вопросы, отвечать на них, а потом идти на исповедь. Как-то непонятно.

«2. Часто ли ты молишься? Не стыдишься ли признаваться в своей вере другим?»

Здесь уже было о чём подумать.

Однажды Ольга Дмитриевна после причастия задержалась в церкви чуть дольше обычного. Служба уже заканчивалась, и Ирина увидела, как батюшка с большим золотым крестом в руках вышел из алтаря, а потом, держа крест перед собой, начал говорить.

Ирина была настолько поражена, что он не совершает какие-то непонятные действия там, в алтаре, не стоит перед аналоем, выслушивая исповедующихся, не ведёт службу, а просто говорит, что сначала не вслушивалась в смысл его слов. И только спустя несколько минут она начала понимать, что ведётся рассказ о молитве.

Оказывается, Бог может сделать всё, что человек хочет, но этому человеку нужно молиться, попросить это у Бога. Такое прошение и называется молитвой.

Ирина слышала это слово и раньше, но его смысл как-то ускользал от неё, был зыбким и неопределённым. Например, девочка почему-то была уверена, что молитва – это когда человек стоит на коленях перед крестом, протягивает к нему руки и рыдает. Причём она и сама терялась в догадках, откуда у неё такие познания. В конце концов сама для себя она решила, что подсознание провело какие-то ассоциации со случайно увиденным эпизодом из какого-нибудь фильма по телевизору.

Оказывается, всё было совсем по-другому. А может, и нет. Ведь молитва – это не просто, когда что-то просишь у Бога, может быть при этом и надо стоять на коленях и смотреть на крест? Только вот зачем смотреть именно на крест, он-то тут при чём? И что это значит? Ведь Бог же везде. Неужели Он не услышит, если Ирина будет просить у него что-нибудь в группе или прямо на улице?

Вопросы плодились с невероятной быстротой. Ирина едва дождалась, пока они с классом вернуться в группу, и сразу же подошла к воспитательнице.

«ОД! А если о чём-нибудь попросить бога, он обязательно это сделает?»

Ольга Дмитриевна сначала удивилась вопросу, потом утвердительно кивнула:

– Да... Вообще-то, да...

По тону голоса Ирина не совсем поняла, то ли Ольга Дмитриевна смутилась, то ли не совсем была уверена в правильности своего ответа.

Ирина снова написала:

«Молиться можно только в церкви или здесь в группе тоже? Ведь бог всюду!»

Ольга Дмитриевна смутилась ещё больше. Теперь стало понятно, что она именно смущается. Хотя, чего тут было стыдиться – это было непонятно. Допустим, если кто-нибудь из ребят узнает, что Ирина верит в Бога и молится, то её засмеют. Но если тоже самое узнают про Ольгу Дмитриевну, то над ней смеяться не будут, она взрослая и всё, что она делает – это правильно. Тем более и детей в церковь она водит без всякого смущения, по её лицу даже видно, что она в те минуты горда собой. Зачем же ей тогда смущаться только от одних разговоров о Боге?

– Да, Ирина, молиться можно везде.

И она посмотрела на Ирину тем особенным взглядом, которым смотрят на человека, когда хотят, чтобы последний поскорее ушёл.

Тем не менее девочка не могла не задать ещё один вопрос:

«ОД! А Бог поймёт меня, если я буду говорить не вслух, а про себя?»

– Да, конечно, поймёт.

Ирина поймала себя на мысли, что, когда Ольга Дмитриевна отвечает на эти её написанные вопросы, голос у неё такой, будто она говорит вслух ответы на тесты в каком-нибудь журнале. Ирина подошла к окну, спряталась под тяжёлую фиолетовую штору и принялась разглядывать бегущие по ярко-голубому небу облака, белые и плотные, словно сделанные из ваты.

Она представила себе, что Бог сейчас сверху смотрит на неё и ждёт, что она сейчас ему скажет.

«Здравствуй, Бог! – Ирина даже кивнула головой, словно Он наяву стоял перед ней. – Ты уж прости меня, пожалуйста, что я раньше тебе никогда не молилась. Я не знала, что можно попросить Тебя о чём-нибудь – и Ты всё сделаешь. Я... Даже не знаю, как это сказать... У меня есть одна мечта. Самая-самая большая. Я очень хочу научиться говорить. Сделай, пожалуйста так, чтобы я заговорила. Ты не представляешь, как мне плохо. Ребята все дразнят меня, называют немкой, издеваются надо мной. И мне так надоело уже всё писать вместо того, чтобы говорить!.. Пожа-алуйста, сделай, а? Ведь ты же всё можешь. Что тебе стоит, раз – и всё. А мне так хорошо будет жить. Тогда я... – Ирина запнулась, не зная, что можно пообещать Тому, у кого всё есть. – Тогда я буду вести себя хорошо. И грешить никогда не буду. И... и... когда вырасту, в церковь каждый день ходить буду!»

Девочка почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она всхлипнула и вытерла щёки. Быстро, украдкой, хотя этого никто не мог видеть.

«Как-то всё глупо получилось. Собралась молиться – и разревелась, словно детсадовка какая-нибудь... – Ирина подняла всё ещё красные глаза. – Бог, прости меня, пожалуйста, я больше не буду плакать. Ты только не подумай, что я плакса, это я так, нечаянно»

Облачко, на котором задержался её взгляд, вдруг остановилось, а потом всё быстрее и быстрее полетело в другую сторону, пока не скрылось за крышей стоящего напротив здания.

И Ирина почему-то обрела твёрдую уверенность, что Бог услышал её и обязательно исполнит её просьбу; завтрашним утром она проснётся, уже умея говорить.

Весь день Ирина летала, как на крыльях, не чувствуя под собой земли. Подумать только – осталось совсем немного, уже завтра всё изменится, она заговорит и начнётся совсем-совсем другая жизнь.

И насколько Ирина была счастлива в тот день, настолько оказалась потрясена на следующий, когда вдруг оказалось, что говорить она по-прежнему не умеет. Ирина шёпотом пыталась проговорить хоть что-нибудь, но то, что получалось, трудно было назвать звуками человеческой речи.

Из-за того, что первый опыт молитвы оказался неудачным, девочка больше никогда не молилась. Было, правда, исключение. Когда их в следующий раз повели в храм, она, стоя перед большим распятием, пыталась что-то пролепетать, но мысли путались, какие-то люди постоянно бродили вокруг и отвлекали внимание, да и Ольга Дмитриевна сказала, что пора идти... Всё осталось оборванным на полуслове.

Ирина перечитала вопрос:

«Часто ли ты молишься? Не боишься ли ты признаваться в своей вере другим?»... Гм, не боишься ли ты признаваться в своей вере другим... Ещё как боюсь. Даже, наверное, не боюсь, а стесняюсь. Ольге Дмитриевне вон стесняться вроде нечего, большая, и на Причастие с ней ходим, а как спросишь что-нибудь церковное – и она не знает, куда глаза девать. А тут вон сколько ребят. Если кто-нибудь узнает, что я по-настоящему верю в Бога, мне ведь прохода не будет. Что бы такое написать?»

И круглым почерком, чтобы получилось красивее (всё-таки сам батюшка читать будет), Ирина принялась выводить:

«2. Я не умею молиться правильно. Я однажды помолилась, чтобы перестать быть немой и научиться говорить, но Бог почему-то ничего не сделал. И после этого я никогда не молилась. А в своей вере я боюсь признаться, потому что ребята будут надо мной смеяться»

Поставив точку, Ирина задумалась. Можно было бы, конечно, написать, что некоторые ребята очень-очень злые и если они начнут кого-нибудь высмеивать, то это будет очень и очень обидно. Но потом она подумала, что, если эти слова будет слышать не только батюшка, но и сам Бог, то это будет не очень красиво. Во-первых, на исповеди надо признаваться в своих собственных грехах, а не объяснять священнику, какие плохие все остальные. А во-вторых, Бог всё, что Ему надо, и так знает.

Так ничего и не добавив, Ирина перешла к следующему вопросу.

«3. Не гордишься ли ты своими успехами в учёбе, своей силой, красотой, умом? Не любишь ли ты командовать над своими товарищами?»

Ирина, не сдержавшись, фыркнула, дивясь такому банальному вопросу. Не вызывает никаких сомнений, что командовать над кем-либо Ирина никогда не собиралась и не собирается. Зачем это надо? А гордиться своей силой, умом, красотой...

Это было попросту смешно! Будь Ирина сильной, красивой или хотя бы умной. В школе она едва-едва вытягивала на четвёрки. Ещё бы чуть-чуть – и она была бы совсем как Валерка Кудинов. Или Вика...

И тут Ирина впервые подумала, что значит «гордиться». Может быть она просто как-то не правильно это слово понимает? Ходить и бить себя кулаками в грудь? Или всем говорить, какая она хорошая? Нет, батюшка таких глупых вопросов не задавал бы. Скорее всего, он имел в виду такую вот гордость, какая была у Ирины перед Викой. Она ведь думала, что Вика – глупенькая, а это значит, что она считала её глупее себя, то есть гордилась перед ней. А это уже, получается, грех. Точнее, может даже и не совсем грех, но Богу вряд ли нравилось, когда она так делала.

А ведь если подумать, она не только перед Викой гордилась, а вообще перед всеми. Все мальчишки для неё были глупые и злые (кроме Вити Корнеева, конечно, он хороший), а девчонки тоже глупые и все как одна задаваки (кроме Вики, само собой). А она перед ними всеми, оказывается добрая и хорошая.

Ирина тяжело вздохнула. На второй вопрос исповеди она всегда отвечала не задумываясь, а теперь вот оказалось, что этот вопрос не такой смешной, каким казался ей всегда.

«А ведь надо ещё что-то и написать, поняла она. – Как всё плохо получается: в прошлый раз всё было нормально, а теперь вот гордиться начала. Батюшка сразу подумает, что я хуже стала... Поделом! Надо было раньше соображать, прежде чем отвечать, что я не перед кем ни горжусь!»

Ирина вздохнула и написала:

«Я не люблю над кем-нибудь командовать. Но я горжусь перед ребятами, потому что считаю, что они глупые и злые, а я хорошая и добрая»

«4. Не упрямилась ли ты, настаивая на своём?»

На этот вопрос Ирина тоже всегда отвечала отрицательно, но теперь, наученная горьким опытом, снова решила хорошенько подумать.

Перед воспитателями она, конечно, не упрямилась. Перед учительницей в школе – тоже. Хотя бы потому, что они – люди взрослые, и их надо было слушаться.

А вот как насчёт всех остальных? Мальчишки, например, всегда командовали, Агейцев, Косарев, а особенно Валерка. «Иди туда, иди сюда...» Перед ними Ирина тоже не упрямилась, чтобы лишний раз не попало. Хотя – бывало. А вот перед остальными мальчишками упрямилась постоянно. О девчонках уже и говорить было нечего – их Ирина вообще старалась игнорировать, если только это можно было сделать.

Только вот интересно: неужели упрямство и настаивание на своём – это грехи? Ведь если не упрямиться, то ребята вообще на шею могут сесть и ножки свесить. Неужели Бог этого и хочет? Не может такого быть!

С упрямством Ирина решила разобраться как-нибудь потом, а пока написать всё, как есть. Она низко склонилась над бумагой:

«4. Я часто упрямлюсь перед ребятами и настаиваю на своём. Недавно мальчишки бросали мне палку и кричали „Фас!“, чтобы я побежала и принесла палку, а я заупрямилась и не стала. А потом Катя Разумихина уронила в унитаз заколку для волос и захотела, чтобы я достала, а я не стала доставать»

Ирина скорбно поджала губы. Это была достаточно некрасивая история. Особенно её конец. Девочку до сих пор мучили угрызения совести из-за того, что, когда она отказалась доставать пресловутую заколку, в унитаз заставили лезть Вику, которая, конечно, упрямиться не стала.

«Вот бы мне быть такой, как Вика, – с сожалением подумала Ирина. – Вот у кого грехов вообще нет. Поэтому она такая радостная всегда. Даже если её кто-нибудь обидит, то она через минуту уже смеётся»

«5. Не завидуешь ли ты другим детям? Не ропщешь ли ты на тяготы своей жизни?»

Девочка поставила подбородок на сплетённые пальцы рук, локти устроила на колени и принялась рассеянно разглядывать обёрнутое потемневшей от сырости фольгой ведро, в котором рос цветок.

Она не представляла, как так можно – не завидовать. Когда в прошлый раз привозили пожертвованные вещи, Лиде попалась очень симпатичная шапка, и Ирине не просто стала завидно – она вообще чуть не расплакалась, потому что давно хотела себе такую же – голубую, с большим вязаным помпоном. Через несколько дней Саше Митьковскому подарили альбом для рисования с фотографией котят на обложке – и Ирине сразу захотелось такой же.

За примерами зависти далеко ходить не нужно было: Надя Тихонина была очень красивой – даже это ей покоя не давало. А про то, что Ирина не могла говорить, а другие могли – это уже, само собой разумеется, был самый большой повод завидовать всем окружающим.

И как они, глупые, не понимают, что уметь говорить – это очень хорошо?!

Только вот Ирина откровенно не понимала, неужели зависть – это грех? Другое дело, если бы она, как Андрей Агейцев, завидовала вещам и воровала, что ей нравится, тогда другое дело. А жить и не завидовать – так ведь было вообще нельзя!

Ирина опустила глаза в бумажку с вопросами. Несмотря на всё это? нельзя было протестовать против того, что это всё-таки грех, потому что вопрос о зависти батюшка всё-таки поставил в список грехов. И ещё в этом вопросе было что-то о тяготах жизни.

«Где же это? А-а, вот. «Не ропщешь ли ты на тяготы своей жизни?» Слово-то какое интересное – тяготы. Словно мешки какие-то тяжёлые. А «роптать» – это, кажется, возмущаться. В прошлый раз у Ольги Дмитриевны Ирина спрашивала о значении этого слова и уже забыла.

Девочка который раз посетовала на свою память.

Не ропщет ли она... Интересно, что батюшка эти два вопроса вместе поставил – о зависти и о ропоте.

Ирина на минуту задумалась, потом лицо её просветлело.

Конечно, так легко догадаться! Если человек завидует, то он ропщет на другого человека, что у этого человека есть то, чего нет у него самого. Значит, если кто-нибудь напишет, что он завидует, а о ропоте промолчит, то он обманывает. И наоборот, он не может роптать и никому не завидовать. Хороший способ, проверить, честно ли человек отвечает на вопросы или, может быть, не задумывается над ними...

Впрочем, ладно. Итак, нужно было так написать, чтобы батюшка понял, что она не такая-то уж и плохая. А то вообще перестанет в храм пускать!»

Ирина, низко наклонившись, поправив мешавшие волосы и высунув от старательности кончик языка, вывела:

«Я всегда всем завидую, потому что по-другому не могу. И ещё я всегда ропщу. Большие всего я ропщу на то, что другие умеют говорить, а я – нет. Я так же часто завидую, когда у кого-нибудь появляется какая-нибудь новая хорошая вещь, которой у меня нет»

Кто-то слишком близко пробежал мимо, и Ирина со страхом двумя руками прикрыла свой листочек. Ей было памятно, как в прошлый раз какой-то из мальчишек выхватил из её рук лист с почти законченной исповедью, убежал в туалет и там долго читал его вслух, выкрикивая написанные фразы. В ответ раздавался дружный хохот. От бессилия и жгучего стыда Ирина разрыдалась. Ольга Дмитриевна тогда едва её успокоила

«6. Слушаешься ли ты своих учителей и воспитателей? Не оскорбляешь ли их? Почитаешь ли старших возрастом людей?»

Ирина почесала кончик носа, сморщилась и забавно, как-то совсем по щенячьи, чихнула.

Можно было бы, конечно, написать, что да, слушается, Но ведь всё не так. Например, когда учительница вызывает её к доске, то урок на следующий день Ирина не учила, потому что точно знала, что её не вызовут. Или, например, воспитательница говорила, что надо умыться и чистить зубы каждый день, а она не умывалась, только нос ладошкой тёрла – и всё. А зубы в последний раз вообще, вспомнила Ирина, наверное, чистила в прошлом году. Жуть! И что – неужели всё это писать? Она только на половину вопросов ответила, а у уже почти вся страница была исписана... А если она просто напишет, что никого не слушается? Тогда батюшка подумает, что она совсем непослушная и перестанет с ней дружить. А у неё было не так уж много людей, которые к ней так хорошо относились.

Нет, нужно всё-таки писать подробно!

Ручка почему-то плохо записала, и Ирина почеркала на тыльной стороне ладони, расписывая её.

«Я иногда не слушаюсь учительницу и не учу уроки. И ещё я не слушаюсь воспитательницу, редко умываюсь и не чищу зубы, балуюсь и на прогулках далеко убегаю, не навожу в шкафчике с одеждой порядок, раскидываю по всей спальни свои тапки, однажды я чуть не сорвала с окна занавеску, а сегодня не заправила кровать...»

Девочка вовремя остановилась. Чем больше она писала, тем больше событий вспоминалось.

«Какая же я на самом деле непослушная! – Ужаснулась она, пробежав глазами последние строчки. – Теперь-то уж точно батюшка перестанет хорошо ко мне относиться – будет со мной, как со всеми, несколько слов, кивок – и тут же накрывает голову» – Ирина с ненавистью оглядела ей же написанные слова. Она с удовольствием их бы стёрла, но это было невозможно сделать. А переписывать всё с самого начала не было ни желания, ни времени.

«А ведь это ещё не всё, – с мрачным, даже с каким-то мазохистским удовольствием подумала девочка. – Тут ещё два вопроса. Не оскорбляю ли я своих воспитателей и учителей и почитаю ли старших возрастом людей... Не оскорбляю, конечно! Хорошо, что я хоть чего-то не делаю. Даже не представляю, что я как Валерка буду идти за учительницей шаг в шаг и передразнивать её. Или как Оля Брайцева украдкой строить воспитательнице рожицы. И старших возрастом я вроде почитаю. Так что вроде бы всё нормаль... Ой!»

Ужасное воспоминание промелькнуло у Ирины в голове. Как бы ни так! Почитает она!

Однажды, когда девочка из-за чего-то была в особенно плохом настроении и спускалась по лестнице на второй этаж, навстречу ей попала Зинаида Фёдоровна – уборщица, тихая сухонькая старушка, которая кроме уборки полов делала практически всё – шила, гладила, стирала, могла присмотреть за любым ребёнком или даже на короткое время заменить воспитательницу. Её все любили, а с Ириной они были особенно дружны.

И вот тогда, при встрече, когда Зинаида Фёдоровна сказала «Здравствуй, Ирочка!», то девочка, вместо того, чтобы улыбнуться в ответ и кивнуть, просто прошла мимо, даже вроде бы раздражённо фыркнула и краем глаза успела заметить, какое обиженное выражение появилось на добром морщинистом лице уборщицы. А потом Ирина даже не извинилась и забыла про это, и вот только сейчас вспомнила.

Она почувствовала, что у неё даже уши покраснели от стыда. И извиняться уже поздно, всё давным-давно забыто. А ведь на следующий день Зинаида Фёдоровна, как ни в чём ни бывало, поприветствовала Ирину, хотя, наверное, помнила, что произошло недавно.

«Воспитателей и учителей я не оскорбляю, но однажды я не почла взрослых, – она задумалась над правильностью формы глагола „почитать“, но потом махнула на это рукой, решив, что батюшка разберётся, и продолжила. – Наша уборщица Зинаида Фёдоровна поздоровалась со мной, а я ей не ответила. Я потом забыла перед ней извиниться»

«7. Всегда ли прилежно занимаешься в школе? Внимательно ли учишь уроки?»

В общем, учиться Ирина любила. Ей нравилось получать знания, узнавать что-то новое. Однако учиться на пятёрки как-то не получалось.

Первым препятствием была, конечно, немота. Ведь нельзя же написать всё то, что выучила, знаешь и хочешь сказать. А когда никто не спрашивает, то и учить становится неинтересно. На устных предметах Ирину почти не вызывали, ну, разве что один-два раза за несколько месяцев, для того, чтобы вывести оценку за четверть. Если на дом задавали стихотворение, то ребята выходили к доске и рассказывали, а Ирина в это время сидела в стороне и писала его же на бумаге. Для того, чтобы в этой ситуации поступать честно, нужно было быть по меньшей мере не немой, а глухонемой. Ирина, как правило, ничего не учила, а писала под диктовку ребят, которых вызывали к доске.

Следующим препятствием к получению отличных оценок была сама учительница. Светлана Григорьевна в самом начале, ещё в первом классе, поставив Ирине «четыре», «три», «четыре», перестала обращать внимание на качество ответов. Теперь для неё плохой ответ

оценивался на тройку, хороший – на четвёрку. Даже если нужно было ставить «пять», по привычке, ни на мгновение не задумываясь, учительница выводила «четыре».

Последним и самым серьёзным препятствием было то, что Ирина сама для себя проводила чёткую границу между теми предметами, что ей нравились, и теми, что её не нравились.

Например, девочка очень любила математику. Цифры составляли для неё отдельный мир, числа жили какой-то особенной жизнью, они прибавлялись, делились, умножались, и в каждом, даже самом простом арифметическом действии Ирина видела какую-то сказочную историю, отдельное приключение. Ирина всё переживала по привычке про себя и только однажды, не сдержавшись, в ответ на просьбу учительницы объяснить свой неожиданный смех, сказала, что это очень забавно, когда десять делится на десять и получается единица.

– И что же здесь забавного?

Ирина написала ответ, который едва уместился на страничке её записной книжки. *«СГ! Представьте, стоит десятка, большая, круглая, очень довольная. И вдруг её начинают делить на десять частей. Она превращается в десять маленьких единичек, которые как тараканы от света панически разбегаются в разные стороны»*

– Гм-м... Панически... – тихонько удивилась учительница и отложила записку в сторону.

Ещё одним любимым предметом Ирины было рисование. Рисовала девочка действительно хорошо. Особенно она любила рисовать пейзажи, не обезображенные элементами человеческого быта. Рисуя, она испытывала ощущение, которое, наверное, испытывала бы, если бы была творцом и творила новый мир. Она могла часами вырисовывать мельчайшие детали, листья на деревьях, травинки, веточки. На рисунки, которые ребята рисовали за урок, у неё уходило два-три урока. Но за все свои шедевры девочка получала только пятёрки. Все школьные выставки не обходились без рисунков Ирины.

Ко всем остальным предметам, кроме этих двух, девочка относилась крайне прохладно. Нельзя сказать, что она их не учила, учила, но из-за отсутствия энтузиазма – не очень хорошо.

И читала она очень много, но отдельные детали книг в памяти не задерживались. Например, понравившиеся произведения школьной программы из книги по чтению она «проглатывала» мгновенно, зато потом не могла ответить даже на самые простые вопросы к тексту. Прочитанное оставалось у неё в памяти в общем как нечто хорошее, но композиция, отдельные подробности сюжета, характеристики персонажей – всё это тонуло в цельности восприятия.

Итак, хорошо ли она учиться? Ну, если хорошо учиться – это учиться как Витя Корнеев, на одни пятёрки, то она, конечно, училась плохо. А если вспомнить, как учится Валерка или Вика, то Ирина – вообще почти отличница. Так что же написать?

Надо было вспомнить, что она писала в прошлый раз.

Девочка нахмурилась, её взгляд рассеянно заскользил по стволу растения.

Как же она всё-таки писала?

И тут Ирина всё вспомнила, и тут же посетовала, какая она, оказывается, невнимательная.

Отец Андрей написал в своей бумажке, «прилежно ли она занимается, внимательно ли учит уроки». А «прилежно заниматься» и «хорошо учиться» – это совсем разные вещи». Зачем делать грехом то, что не зависит от человека? Может кто-то до седьмого пота что-нибудь учит-учит, а это никоим боком не влезает в него, хоть тресни, просто из-за того, что у него способностей нет. Само собой, несмотря на все свои старания он получает двойки. Тогда двойка – это никакой не грех. Грех – это не то, что она плохо учится, а то, что она не старается этого делать.

Так прилежно она всё-таки учится или нет?

Взгляд Ирины случайно упал на часы. Времени оставалось всего пять минут. Вон уже и Ольга Дмитриевна краситься начала. Надо было шевелиться быстрее!

О чём это она? Старается ли она учиться. Да, старается, ещё как старается, – так и нужно написать. Ещё бы она не старалась. Ей то и делать больше нечего – только учиться и остаётся...

Только вот сколько раз такое было: надо было получше выучить уроки, и времени достаточно, и не мешает никто, а она играть садилась или начинала что-нибудь читать. Н-да, пожалуй, если подумать, Ирина не так-то уж и старалась учиться. Придётся об этом написать»

«7. Я учусь на четвёрки и тройки, потому что не стараюсь учиться, и уроки тоже учу не очень внимательно», – написала девочка и, даже не перечитывая, перешла к следующему вопросу.

«8. Не ругаешься ли ты неприличными словами?»

Ну, это было совсем просто. Ирина даже заулыбалась. Как легко и просто было писать о том, что не делаешь ничего плохого или злого, и как трудно признаваться в содеянном! Трудно признаваться даже письменно, не то, что вслух.

Ирина иногда думала о том, как это хорошо, что она не умеет говорить. Тогда, пока батюшка читает написанное, можно отвернуться и неотрывно смотреть куда-нибудь, например на лежащее на аналое Евангелие или крест, на какую-нибудь икону. Ирина содрогалась, представляя, что она сама говорит, какие грехи совершила, и сомневалась, сможет ли так сделать.

«8. Я не ругаюсь неприличными словами, потому что не умею и говорить не умею»

Следующий вопрос тоже был лёгким.

«9. Не дерёшься ли ты? Не обижаешь ли детей, которые слабее тебя?»

Ирина много раз ловила себя на мысли, что, отвечая на вопросы исповеди, подсознательно выводит два варианта ответа. Один, не совершала ли она какой-нибудь грех – записывает; а второй, совершала бы она этот грех, если бы была возможность – нет. Действительно, зачем писать о том, что только могло бы быть.

Например, девочка конечно не дерётся и не обижает никого слабее себя. Но вот если бы она была не такой маленькой и слабенькой, как сейчас, а здоровущей, как Брайцева – что тогда было бы? Нет, драться бы она, пожалуй, не стала бы. А обижать тех, кто слабее? Тоже, наверное, нет.

Ирина была очень довольна, когда два варианта ответа совпадали, и чувствовала внутри неопределённое беспокойство, когда – нет.

Так ли уж хорошо, что не делаешь чего-нибудь плохого только потому, что не можешь этого делать?

«Я не дерусь и не обижаю никого, кто слабее меня», – написала девочка и тут же подумала, хорошо, что батюшка не знает, что она тут самая маленькая и слабая. Хотя, Вика ещё слабее и ещё меньше, но она – это совсем другое дело.

Потом Ирина подумала, может быть она всё-таки Вику как-то обижает, и после длительного раздумья с облегчением перевела дух. В этом нет никакого сомнения: Вику она никогда не обижала. Да и как можно обидеть человека, которую считаешь своей младшей сестрёнкой?

Ирина невольно оглядела группу, отыскивая глазами Вику. Вокруг одного из обеденных столов собрались ребята, и девочка стоя за их спинами, безуспешно пыталась разглядеть, во что они там играют. В руке за спиной она держала куклу, за одну ногу, вниз головой.

Хорошо Вике, ей ни в чём исповедоваться не надо; у неё никаких грехов нет. Не то, что у Валерки. Или у Нади Тихониной. Вон как на меня сегодня взелась. Ни за что, просто взглянула на неё.

А ребята, не без удовольствия отметила Ирина, и не думают готовиться к исповеди. Вон бегают и смеются. Действительно, зачем им это, им и без Бога хорошо...

Какой там следующий вопрос? Во, это уже десятый.

«Не брал ли ты тайком, без спроса чужую вещь? Не присваивал ли себе что-нибудь, потерянное другими?»

Вообще-то такое поведение называлось воровством, и Ирина это точно знала. И интересно, почему батюшка не написал об этом прямо?

Но думать об этом уже не было никакого времени, нужно было быстрее заканчивать с исповедью.

Ирина поспешно пододвинула к себе почти полностью исписанный листок бумаги и поспешно продолжила.

«10. Я никогда не брала чужих вещей. А те тетради, которые я вытащила у Серёжи Агейцева были моими, он сам их у меня своровал. А Катя Разумихина, которая со мной в одной тумбочке, берёт у меня без спроса карандаши, чтобы порисовать, и не возвращает, я их тоже достаю у неё с полки без её разрешения. И ещё, однажды я взяла у одной девочки, которая слабее меня игрушку, и не возвратила, потому что игрушка мне понравилась, а девочка о ней забыла. Я её отдам, честное слово! И ещё я однажды на столе у учительницы взяла ручку и тоже не возвратила. Я ручку тоже возвращу»

У Ирины не было времени раздумывать над написанным. Закончив, она тут же уткнулась в листок с вопросами.

«11. Не имеешь ли ты привычки врать? Не нарушал ли данного кому-нибудь обещания?»

Девочка на мгновение подняла глаза и успела заметить выходящую из группы Ольгу Дмитриевну. Дверь за ней мягко закрылась.

«Зинаиду Фёдоровну пошла звать, – поняла она, – чтобы она с новенькой посидела»

Значит совсем немножко времени ещё оставалось.

Ирина вздохнула, снова склоняясь над своими записями. Писать исповедь ей уже порядком наскучило.

Не имеет ли она привычки врать? Как она могла врать, если не умела говорить? Если только так: воспитательница спрашивает, обещает ли Ирина себя хорошо вести, она кивала головой, а потом вела себя плохо.

Нет, нужно всё-таки написать, что она не обманывает, по крайней мере, старается этого не делать. По крайней мере, я стараюсь это делать. И обещаний она вроде бы не нарушала, потому что никому ничего не обещала. Значит, всё в порядке»

На всякий случай Ирина скользнула глазами по группе, где бегали ребята, поставила на бумаге номер очередного вопроса и бодро отрапортовала:

«Я никого не обманываю и не нарушаю своих обещаний»

Каждый раз, отвечая на вопросы исповеди, Ирина с трепетом ожидала этого двенадцатого вопроса. Это был самый последний вопрос и самый неприятный из всех возможных.

«12. Не делал ли ты чего-нибудь такого, о чём было бы стыдно рассказывать или что было бы стыдно делать в присутствии других детей или взрослых?»

Действительно, обо всём плохом, что только можно было сделать, было бы стыдно рассказывать кому-нибудь, тем более делать это в чьём-либо присутствии.

«Какой же батюшка всё-таки... коварный», – каждый раз думала Ирина, добираясь до этого вопроса.

Слово «коварный» здесь не несло никакого отрицательного оттенка в значении, и в собственном лексическом словаре девочки имело, скорее, характер комплимента. Нужно было очень постараться, чтобы, ставя точку над «і» в вопросах к исповеди, придумать такой вопрос, который бы включал в себя все-все-все грехи, которые не были упомянуты.

А самым неприятным было то, что такой грех у Ирины был. Однажды она сделала нечто такое, в чём ни за что на свете не призналась бы никому. Даже сейчас, вспоминая об этом, она чувствовала, как краска стыда заливает ей лицо.

И снова Ирине пришлось бороться с собой. С одной стороны признаваться в содеянном не хотелось, с другой стороны, как обмануть Бога, который всё знает? И если ему известно, что ты сделала и Он поймёт, что ты в этом признаваться не хочешь, то насколько хорошо он будет к тебе относиться?

Ирина набрала полную грудь воздуха, словно перед тем как нырнуть в воду. Даже глаза на мгновение закрыла, и, низко склонившись, так, что пляшущий кончик ручки упирался в лоб, принялась писать.

«Однажды я хотела посмотреть, что будет, если дождевого червяка бросить в муравейник. Я не знала, что получится, если это сделать. Я пустила его в муравейник, а они его съели. Я хотела спасти червяка, но не смогла. Батюшка, простите меня. Пожалуйста! Я честное-пречестное никогда не буду так делать. Я раньше никогда не мучила животных, у меня это случайно получилось!»

Обычно, после написания исповеди Ирина чувствовала стыд, но и облегчение. Сейчас она ощутила в душе некое беспокойство, дискомфорт. Прислушавшись к своим ощущениям, она поняла, что, после того, как всё это написала, стала сама себе противна. Как это просто – написать грех, дать прочитать его батюшке и обо всём забыть. И в первую очередь не думать о том, что у убитого червяка могли быть дети, друзья, может он сам был чьим-то ребёнком, и кто-нибудь ждёт до сих пор его возвращения.

Ирина старалась плакать очень редко, но тут её глаза наполнились слезами. Она поспешно их вытерла и с беспокойством закрутила головой. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как она плачет. Всё-таки совсем уже взрослая, десять лет стукнуло. Это не девять – три по три. Это целых десять – столько же, сколько пальцев на руке.

Оставался самый-самый последний вопрос, очень несуразный, и Ирина про него всегда забывала, да и отвечала, ни на секунду не задумываясь:

«13. Искренно ли ты каешься в своих грехах?»

Ирина черкнула:

«13. Я искренне каюсь в своих грехах» — и, аккуратно сложив, сунула лист в карман, но перед этим вытащила оттуда несколько комочков смятой туалетной бумаги. Конфузливо оглянувшись, Ирина зажала их в кулаке. Туалетную бумагу приходилось всегда носить с собой, потому что у Вики часто шла из носа кровь, которую нужно было чем-то вытирать. Носовые платки за один раз марались так, что их потом нельзя было отстирать, и самым лучшим было использование туалетной бумаги, которую можно было сразу выкинуть.

Ирина выбросила комочки туалетной бумаги в мусорное ведро. Ещё не хватало посреди храма вместо листочка с исповедью вытащить туалетную бумагу.

Глава 9

Вскоре дверь распахнулась, и в группе появилась Ольга Дмитриевна, за которой мелкими шажками семенила Зинаида Фёдоровна. Было видно, что она собиралась в спешке, на ходу старушка застёгивала вязаную кофту какого-то неопределённого серо-зелёного цвета.

– Вы её покормите, если проснётся, – полувопросительно проинструктировала её воспитательница и замаялась.

Ирина поняла, что Ольга Дмитриевна сама не знала, как попонятнее сформулировать сложившуюся ситуацию и проблемы, которые могут появиться. Всё-таки в группе остаётся не приболевший детдомовец, а абсолютно неизвестный новый ребёнок. И совершенно непонятно, что он может выкинуть, проснувшись.

В конце концов воспитательница только непонятно передёрнула плечами и показала рукой на дверь спальни.

Зинаида Фёдоровна, кивнув, скрылась за ней. Мальчишки, занятые своими делами, даже не заметили её прихода – они даже и не знали, что в группе появилась новенькая!

– Ребята, всё, собираемся в церковь! – Захлопала у себя над головой в ладони Ольга Дмитриевна. – Пора! Пора! Аккуратно складываем игрушки и собираемся!

Ирину всегда очень раздражал её вот этот жест. По стойкому убеждению девочки, именно так делали все воспитательницы во всех детских садах. Она сама удивлялась, откуда об этом знает, если ни в одном детском саду никогда не была.

Из группы Ирина никогда не торопилась выходить первой. Ей очень не нравилась сутолока, возникающая в тесной раздевалке в первые несколько минут, пока самые шустрые ребята делили одежду. Девочка несколько раз случайно попадала в эту толпу, и с ней каждый раз происходило что-нибудь неприятное: то кто-нибудь закидывал на шкафчики шапочку, то по разным углам расшвыривали туфли, то срывали уже одетую куртку и с ней убегали на улицу.

Самым хорошим было то, что миниатюрный размер Ириной одежды мало кому подходил и можно было не бояться, что кто-то наденет любимую голубую болоньевую куртку или синюю шапочку, которая к этой куртке очень шла.

Толпа детей с гиканьем и шумом высыпала в коридор. Ирина на цыпочках подобралась к двери в спальню и заглянула внутрь. Ей очень захотелось ещё раз увидеть новенькую, хотя бы издалека.

Зинаида Фёдоровна сидела на стуле у постели новенькой и тихонько дремала. На скрип приоткрываемой двери она встрепелась и подняла голову:

– Здравствуй, Ирочка!

Голос у неё был удивительно чёткий и ясный. Слыша его, Ирина каждый раз вздрагивала: ей казалось, что неожиданно включилось радио.

Девочка быстро-быстро закивала и перевела взгляд на постель, где спала незнакомка. Ничего нового она не увидела. Ирина вздохнула и хлопнула дверь.

Хуже всего, конечно, будет Людмиле Ивановне, ей из-за новенькой здорово попадёт.

Ирина тут же представила, как тоскливо будет для этой девочки просыпаться. Сначала лежишь и кажется, что ничего не произошло. Потом быстро и неотвратимо, словно электричка, накатывают воспоминания о гибели родителей, каким-то краешком сознания ещё пытаешься уцепиться за надежду, что ничего страшного не произошло, что всё это дурной сон, потом открываешь глаза...

В постели чувствуешь себя совсем незащищённым. Ирина однажды уже испытывала это, когда очутилась в больнице. От непривычности обстановки она долго не могла уснуть и забылась сном только под утро. Она даже проспала завтрак, а когда проснулась, то палата уже жила своей обычной дневной жизнью. На неё почти никто из девчонок не обращал внимания, тогда

они ещё не знали, что она детдомовка. Все просто ходили, смеялись, разговаривали. А Ирина лежала, ещё сильнее вжимаясь в одеяло и думая, что не перенесёт этого стыда, когда нужно было показаться в одних трусиках перед совершенно одетыми детьми. А любой одевающийся человек всегда выглядит немножко смешно. Тихонько хныкая от жалости к себе, девочка тогда принялась одеваться прямо под одеялом.

И Ирина порадовалась за новенькую, которой очень повезло: когда она проснётся, в группе никого, кроме Зинаиды Фёдоровны не будет. Эту бабушку можно не стесняться. Но как же всё-таки тоскливо будет новенькой в первые минуты после пробуждения. Она сразу увидит нарисованных на стене спальни трёх медведей, которые взявшись за лапы, водили хоро-вод вокруг берёзки и чему-то радовались. При взгляде на эту картину Ирина думала, что так они веселятся из-за того, что Машу уже съели.

А новенькой сначала будет плохо, потому что она вспомнит про родителей, а потом станет ещё хуже, когда она увидит, как веселятся медведи. Что может при плохом настроении испортить его ещё больше? Только чужое счастье.

Оставалось ещё одно незаконченное дело: нужно было отдать воспитательнице ручку. Правда, брала она её у Людмилы Ивановны, а отдавать придётся Ольге Дмитриевне. Впрочем, всё равно она была общая.

Ирина с сожалением погладила пальцами сверкающий пластиковый корпус авторучки и опустила её в карман.

В раздевалке почти никого не осталось, только Вика около окна натягивала на себя куртку и Ольга Дмитриевна стояла перед зеркалом, расправляя какие-то только ей видимые складочки на своём плаще. Ирина протянула ей ручку. В лице воспитательницы на миг появилась гримаса удивления. Она автоматически взяла предлагаемое, непонимающе повертела в руках, и наконец, положила на трюмо, перед которым стояла.

«Хоть бы убрала куда-нибудь! – С неожиданным раздражением подумала Ирина. – Сво-руги ведь! Неужели она не видит, какая это хорошая ручка? – И тут же осекла сама себя. – Может я так думаю только потому, что сама эту ручку недавно украла»

Нахмуренная, Ирина подошла к Вике и кивнула, здороваясь. Вика заулыбалась. Ирине очень нравилось, когда Вика улыбается, лицо её становилось таким ясным и сияющим, что Ирина почти физически ощущала это.

Невольно она тоже засмеялась, но потом её улыбка медленно погасла. Уже который раз Ирина подумала, какая же всё-таки Вика глупенькая. Девочка сунула руку не в тот рукав и, не понимая, что одевает куртку не так, другой рукой с безнадежной бессмысленностью пыталась найти второй рукав там, где его и быть не могло.

Присев на корточки и укоризненно глядя на свою маленькую подругу, Ирина принялась помогать ей одеваться.

«Если бы я умела говорить, то сейчас бы, наверное, бурчала как какая-нибудь ворчливая старуха... Да стой же ты на месте, почему ты постоянно вертишься! – Раздражённая, Ирина сделала резкое движение и тут же улыбнулась, чтобы Вика не подумала, что она за что-то обижается на неё. – Прости, я больше не буду!»

Ирина была почти уверена, что Вика умеет читать её мысли и понимает без слов всё, что она хочет сказать.

Ирина одела Вике шапочку, и девочка убежала на улицу. Хлопнула дверь и по лестнице раздался весёлый топот

Ирина принялась одеваться сама. В крайнем шкафчике, которым она пользовалась, оказались ещё две каких-то куртки и чей-то левый зимний сапог.

Почему – то Ирина не могла представить себе Вику взрослой. Даже в голове не укладывалось, как ей может быть двадцать лет, тридцать, сорок. Неужели она и тогда будет такой же хорошей и так же будет улыбаться?

Из группы они вышли последними, уже после воспитательницы, которая ушла, сделав напоследок быструю и сложную гримасу, долженствующую означать «Ира-давай-собирайся-быстрее-не-заставляй-всех-тебя-ждать», Ирина побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, а то и через две, и догнала Ольгу Дмитриевну уже на первом этаже. На крыльце они появились вместе.

– Ребята, строимся! – Снова похлопала над головой Ольга Дмитриевна.

В строю Ирина стояла самой последней, с Викой. По крайней мере при Ольге Дмитриевне, которая любила, чтобы все стояли по росту («по ранжиру» – как говорила она). Когда же была Людмила Ивановна, девочек неизменно выталкивали в середину строя, а то и в самое начало – идти там было хуже всего.

Самыми привилегированными в колонне были последние ряды. Там постоянно шли ребята, которые силой могли отстоять своё право находиться там. Никто не наступал на пятки, не дышал в затылок, не толкал в спину. Да и всегда можно было немножко отстать. Особым шиком считалось вообще остановиться, а потом неспешно, вразвалочку пойти дальше, делая вид, что они не детдомовские, а самые обычные дети, из семьи, а рядом со строем идут совершенно случайно.

Сейчас Вика куда-то подевалась. Разыскивая её, Ирина незаметно для себя очутилась в середине строя. Стоявшая рядом Брайцева тут же громко возмутилась:

– Ольга Дмитриевна, а чего она! Не буду я рядом с немкой стоять!

– Оля, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не обзывалась!

Воспитательница говорила устало: она была утомлена необходимостью много раз в день повторять одно и то же. Что же касается Ирины, то девочка давным-давно привыкла к такому обращению с собой со стороны других детей и нисколько не обижалась. Точнее, не то, что бы совсем «нисколько», где-то в глубине души у неё зрел протест против постоянного унижения, но этот протест был тщательно запрятан не только от прочих людей, но и от самой Ирины.

Наконец, Вика нашлась. Откуда-то она появилась рядом и затеребила Ирину за рукав. Та сжала в руке маленькую и цепкую холодную ладошку и позавидовала, как же везёт Вике – она всегда всем довольна. Солнце светит – хорошо, Ирина рядом – просто великолепно; а то, что они сейчас куда-то пойдут – лучше этого и быть не может, жуть как интересно! Вот бы и ей так: радоваться всему-всему-всему!

Наконец, построившись, ребята двинулись к воротам на улицу. Ольга Дмитриевна пошла сзади и немного справа.

Глава 10

Ирину всегда поражал вот этот контраст. Здесь, на территории детского дома было тенисто и прохладно, шумели на ветру деревья, негромко и мелодично перекликались редкие птицы. Здесь было известно всё до мельчайших подробностей: все семь лет своей сознательной жизни приходилось гулять именно здесь. Это был уютный и обжитый мир, а за воротами начинался другой мир, непонятный и агрессивный.

Сразу за воротами в обе стороны тянулась бесконечная дорога с непропорционально-широкими тротуарами. По бокам росли чахлые кустики.

Летом на этой улице было пыльно и жарко. Нагретый воздух поднимался от горячего асфальта вверх, заставляя очертания предметов зыбко колебаться. Ветер гонял взад-вперёд обрывки газет и пыль. Среди всего этого, уныло поджав хвосты, уныло бродили бездомные собаки. Казалось, будто город давным-давно заброшен жителями и всё, что здесь осталось – это песок, пыль и бездомные животные.

Зимой же улица напоминала тундру: белизна, простор и безмолвие. Изредка, выдавливая из себя тугую струю сизого дыма, проезжал грузовик – и опять всё замирало в безмолвии.

Выходя из ворот, дети всегда поворачивали налево. Здесь всё было уже до боли знакомо.

Дети переходили через дорогу и долго шла по широкому пустому тротуару. Потом нужно было сворачивать в боковую улочку. Ребята оказывались на площади, в центре которой стоял острозубый обелиск, перед которым горел вечный огонь. Здесь уже пути детей в зависимости от целей, расходились.

Можно было спуститься вниз, по дороге, ведущей к набережной, немного пройти вдоль берега, перейти через мост, и очутиться перед зданием ТЮЗа. Это было громадное строение цилиндрической формы из бетона и стекла. Перед входом были высажены аккуратные треугольные ёлки. Днём театр стоял притихший и тёмный, стёкла отражали в себе проходящих мимо людей и проезжающие мимо машины. Зато вечером он расцветал разноцветными огнями, включались неоновые вывески и рекламы, начинали светиться афишные тумбы.

Ирина помнила, как однажды ребята очутились на площади перед театром вечером и остановились, разглядывая всё это великолепие.

– Я в театре буду работать! – Безапелляционно заявила этим же вечером Надя Тихонина, разглядывая себя в зеркало.

– Ага, жди! – Заявила в ответ Брайцева. Она всегда со всеми спорила, а её споры с Надей приобретали глобальный характер, нередко их перебранки доходили до драки. Надя даже не повернулась в её сторону, что обидела Олю больше, чем могло бы обидеть что-либо ещё.

На небольшой площади перед ТЮЗом на Новый год всегда ставили ёлку по высоте едва ли не больше самого театра. Ирине она не нравилась, потому что была слишком уж большая, а потому какая-то неживая и слишком уж несуразная, да и игрушки на ней висели слишком яркие, что резко контрастировало с общей строгой красотой дерева. Единственное, чем Ирина была по-настоящему довольна, так это тем, что, если стоять рядом с деревом, можно было почувствовать резкий запах смолы и хвои. Так сильно ёлка пахла бы, наверное, в настоящем лесу.

Дальше, за ТЮЗом, не было ничего интересного.

От площади с обелиском можно было пройти по крохотной боковой улочке с деревенскими деревянными домиками. Сквозь редкие штакетники забора Ирина, проходя мимо, с интересом разглядывала аккуратно разбитые, но неухоженные грядки, чахлые деревца, серых от пыли кур, которые во множестве бродили вдоль обочины.

Впервые оказавшись здесь, Ирина сразу же захотела, когда вырастет, жить в таком вот домике, где можно было ухаживать за животными и что-нибудь выращивать на грядках, только

забор поставить побольше, не такой, как эти, чтобы никто из соседей не видел, чем она там занимается.

Улица заканчивалась рощицей, дорога огибала её, разделяясь, и опять выводила к реке, но уже выше по течению. И мост здесь был не такой, как по дороге в театр, а очень узкий, железный, порывший от ржавчины. Он предназначался только для пешеходов

Почему-то Ирине нравилось ходить именно по этому мосту, может быть потому, что он был маленький, очень уютный, полуигрушечный, и являлся одной из немногих вещей в этом взрослом мире, которая соответствовала детским пропорциям.

Дорога, начинавшаяся от этого моста, вела в старую часть города. Точнее, Ирина где-то слышала это выражение «старая часть города», так же она называла для себя несколько улочек за железным мостом. Дома здесь стояли несовременные, большей частью двухэтажные с нелепыми декоративными лепными балкончиками с металлическими решётками. Там по традиции разводили цветы. У домов были такие же нелепые стены: голубые, розовые, жёлтые, зелёные, пастельных тонов; воркующие бабушки на скамейках около подъезда – здесь царил полная умиротворённость во всём.

Впрочем, Ирине не нравилось ходить по этим улицам. Во-первых, потому что они ни в какие интересные места не вели, если по ним пойдёшь, то впереди были только библиотека и музей. Во-вторых, дети во главе с воспитательницей появлялись на этих улочках, выглядели настолько чужеродно и непривычно, что на них тут же все обращали внимание. Ирина ёжилась, чувствуя на себе любопытные взгляды тех же самых бабушек, прохожих, случайных детей, гулявших на улице. И именно при встречах с детьми, особенно со сверстниками, держа за Викину руку, Ирина чувствовала свою ущербность.

От площади с обелиском можно было свернуть сразу налево. Там стоял кинотеатр, где ребята раз в неделю смотрели детские фильмы, мультики или какие-то непонятные взрослые фильмы.

Если же свернуть направо, то дорога, немного попетляв среди высотных новостроек, выводила к воротам под ажурной металлической аркой. Надпись на резном деревянном столбе обозначала границу городского парка. «ГОРОДСКОЙ ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА».

Благодаря «активности» Ольги Дмитриевны Ирина неплохо знала свой город, и из всех мест, где она успела побывать, парк был у неё самым любимым.

Там было очень красиво, и неважно даже, какое время года стояло во дворе. Широкие аллеи, обрамлённые раскидистыми вековыми деревьями, уходили вдаль, в полумрак; ветер гудел в верхушках сосен, под ногами шуршали пёстрые кленовые листья. А если уйти на несколько шагов в сторону, то за плотной стеной деревьев можно было найти залитую слепящим солнцем полянку, где всё было окутано непоколебимым вселенским спокойствием, среди пряно-медового аромата трав и цветов золотистыми блёстками мелькали юркие осы, жужжали неповоротливые шмели, яркими пятнами порхали бабочки...

Ирина только один раз была на такой полянке, когда Ольга Дмитриевна встретила гуляющую в парке знакомую и несколько минут дети оказались предоставленными самим себе. Ирина отошла в сторону, уселась на корточки и принялась разглядывать жучков в траве. Потом пришлось быстро вернуться на место, чтобы её отсутствия никто не заметил.

Специально в парк Ольга Дмитриевна группу никогда не водила. Они оказывались там только тогда, когда шли в церковь.

Иногда Ирине казалось (и она почти в это верила), что парк – это совсем не парк, а самый настоящий дремучий бор, о котором рассказывалось почти в каждой сказке, а если побродить по нему час-другой, то можно будет отыскать и избушку на курьих ножках, и домик, в котором живут встретившиеся с Машей медведи, и замок, в котором спит спящая царевна.

Ирина успокаивала себя тем, что, когда вырастет, лет через шесть или семь, обязательно там побывает. Подумать только: как хорошо будет, когда она станет взрослой. Тогда не надо

будет ходить по городу строем, взявшись за руки, туда, куда ведёт воспитательница. Куда хочешь – туда и иди. Хочешь – в цирк, хочешь – в парк, хочешь – дома сиди. Сейчас нельзя даже было представить себе, каково это. Тогда даже в Грецию можно будет съездить. Заработать побольше денег – и съездить.

Доходя в своих фантазиях до этого места, Ирина мечтательно закрывала глаза. Она очень хотела побывать в этой экзотической стране. Причём желание это имело свою отдельную историю, которая так же была связана с парком.

Сразу за входной аркой парка, как раз за столбом с табличкой, начиналась широкая длинная аллея, обрамлённая декоративными, аккуратно подстриженными кустами. Среди яркой зелени листы контрастными белыми пятнами выделялись многочисленные скульптуры.

Когда Ирина увидела их впервые, она была очень маленькой и сразу подумала, что это живые окаменевшие люди, и очень испугалась. Потом, через некоторое время поняла, что ошибалась. Тем не менее, до сих пор не могла сдержать невольной и совсем непонятной дрожи, разглядывая величавые лица сидящих на тронах царей. Цариц, согбенные фигуры каких-то полуобезьян-полулюдей с хитрыми и подленькими мордашками, красивых юношей и девушек. Все они занимались своими, непонятными для обычных людей делами: кто-то держал в руках копье, кто-то – меч, кто-то – кувшин, а кто-то просто сидел и любовался собой, глядя в зеркало небольшого пруда.

Девочку поразил мраморный орёл, находившийся чуть поодаль, в зарослях шиповника. Относительно других скульптур он был небольшим. И подставка под ним была такого миниатюрного размера, что Ирина при желании могла бы забраться на неё и сесть рядом с птицей. И хотя клюв у птицы был облезлым, а кончик правого крыла чуть обломился, она выглядела самой красивой и самой грозной из всех скульптур. При взгляде на орла создавалось ощущение, что птица не стоит здесь, прикованная к гранитной плите, а парит в небе, среди облаков, разглядывая проносящиеся под крыльями деревья.

Сразу за орлом были ещё одни интересные скульптуры: девять девушек в лёгких накидках танцевали, собравшись в круг. В контурах их фигур было столько изящества и грации, что Ирина впервые увидев их, даже остановилась, не смея поверить, что они из камня и не живые. А потом начала быстро писать в своём блокнотике.

– Это? – Переспросила Ольга Дмитриевна, разглядывая каракули своей воспитанницы (тогда Ирина писала не так понятно и красиво, как сейчас; тем более, в тот момент пришлось писать на весу), оглядела длинный ряд скульптур и с некоторым сомнением в голосе ответила. – Это персонажи греческой мифологии. Боги из греческого пантеона.

Сочтя вопрос закрытым, Ольга Дмитриевна пошла дальше, но Ирина затеребила её за рукав, указывая на скульптуры девушек. Ольга Дмитриевна подняла брови: такой возбуждённой она ещё Ирину не видела.

– Сколько их? – Прочитала она и быстренько пересчитала. – Девять. Думаю, что это музы. Это такие богини в Греции... Они отвечают за литературу, за искусство, за что-то ещё такое..., – воспитательница говорила всё медленней и медленней, а под конец вообще замолчала, глаза у неё были немного растерянные.

«Пантеон – это как танк», – написала Ирина.

– Почему?

«Это слово такое же тяжёлое. И грозное»

Прочитав эту записку, воспитательница улыбнулась.

С этого дня у неё появилась мечта побывать когда-нибудь в Греции, которая стала для неё поистине сказочной страной. Там жили изображённые на скульптурах люди, которые или сидят на тронах, или бродят по лесам с копьями и луками, или поют и водят хороводы, как музы. Ирина даже придумала поговорку: «Счастливый, как в Греции», правда, использовала её только для себя, иначе бы её никто не понял.

Просторная центральная аллея, проходя через весь парк, выходила на берег пруда. Если не доходя до берега, свернуть в небольшую боковую аллею, то через неё можно было добраться до калитки в ограде парка. И за калиткой, сразу через дорогу, располагалась церковь.

Пройти к ней можно было, конечно, и не через парк, но тогда путь становился гораздо длинней, и идти нужно было большей частью какими-то дворами и подворотнями.

Глава 11

Цепочка шедших парами детей постоянно растягивалась. Ольге Дмитриевне приходилось часто останавливаться и подтягивать отстающих.

Ирина никогда не видела церковь в целом. Вразрез с канонической традицией, храм был построен не на возвышенном месте, а в низинке. Издали он не был виден, и только, если подойти ближе, среди густой зелени мелькал фрагмент свежесмытой стены, кусочек позолоченного купола, а над кронами деревьев вдруг вспыхивал, ловя на себе луч солнца, позолоченный крест.

Перед входом в церковь на деревянных, выбеленных солнцем ступенях среди подсолнечной шелухи сидели нищие. Обычно их было трое-четверо, и все преимущественно бабушки. Мимо них Ирина проходила с опаской, часто оглядываясь на Ольгу Дмитриевну. Последняя очень хорошо притворялась, что их не замечает.

Зинаида Фёдоровна из детского дома тоже была бабушкой, но совсем другой – чистенькой и доброй. А один только взгляд нищих старух вызывал у Ирины невольное содрогание. Было в их глазах что-то очень тоскливое и совсем уж безнадежное.

Храм был обнесён невысокой сетчатой оградой. Рядом с воротами, на створках которых были нарисованы большие кресты, находилась узенькая калиточка.

Дети друг за другом вошли туда.

Прямо перед Ириной через калитку вошла одетая в тёмное женщина. Войдя, она перекрестилась и сделала поклон в сторону церковных дверей.

Ирина тоже захотела перекреститься, но, оглянувшись, застеснялась ребят, и прошла просто так, только едва наклонив голову.

И тут же подумала, что не зря батюшка написал в исповеди этот вопрос: «Не стыдишься ли ты признаваться в своей вере другим?» Ирина именно стыдилась. И именно признаться. Вот и сейчас застыдилась. Бог, конечно, добрый, он простит, успокаивала себя девочка, но ведь ему неприятно, что она так себя ведёт. Тем более перед церковью.

Ирина отпустила руку Вики, и, ещё раз украдкой оглянувшись по сторонам, словно делала что-то очень плохое, кончиком указательного пальца дотронулась сначала до лба, потом до груди, до правого плеча и до левого. Девочка приготовилась услышать смешки, но никто ничего не заметил.

С одной стороны, это было хорошо, но с другой оказалось даже чуточку обидным. Наверное, так происходит всегда: каждый человек живёт, думает, что только на него все и смотрят, а на самом деле он никому и не нужен, на него никто никакого внимания не обращает.

За дверями храма начиналась совсем другая жизнь. Тяжёлая скрипучая дверь была надёжной преградой. На улице было ярко и солнечно, в ветвях деревьев шумел ветер, оголтело чирикали птицы, вдали по шоссе проезжали машины. В храме же был постоянный полумрак и звонкая, почти осязаемая тишина. И негромкие звуки службы не уничтожали, а только подчёркивали её.

Старушка, стоявшая за прилавком около входа на фоне икон и книжечек, приветливо заулыбалась, увидев входивших детей. Ирина, оглядевшись по сторонам, быстро и незаметно перекрестилась. Потом ещё и ещё, потому что где-то слышала, что креститься всегда нужно три раза. На других детей она уже не обращала внимания.

С самого начала всё пошло не так. Ирина взглянула на спину стоящего перед алтарём батюшки, и по коже пробежал холодок, словно кто-то сзади внезапно открыл дверь. Спина была другая. И батюшка был другой. В этом не оставалось никакого сомнения. Плотный среднего роста отец Андрей никак не мог вписаться в высокую чуть сутуловатую фигуру, стоящую перед алтарём.

Ирину кто-то толкнул, но она этого не заметила, целиком поглощённая происходящим на амвоне.

Священник что-то сказал, воздев руки горе, хор ответил ему. Ирина сглотнула слюну и горестно потупилась. Теперь сомнений не оставалось: и голос был совершенно другим. Не спокойный и обстоятельным, как о батюшки, а высоким и чуть срывающимся. Было видно, что человек сильно напрягается, подавая возгласы.

Ирина посмотрела на воспитательницу. Так смотрят на взрослых очень маленькие дети. Им кажется, что если человек большой, то он может всё. Или почти всё.

Увы, чуда, которого подсознательно жаждала девочка, не произошло. Ольга Дмитриевна казалось ещё более растерянной, чем она сама. Оглянувшись по сторонам, она побрела к бабушке, которая торговала свечками. Ирина хотела пойти вслед за ней, но ноги сами понесли её к любимой иконе. Сама не заметив, как это произошло, она очутилась рядом.

В храме было полутемно, через маленькие зарешётчатые окошечки едва-едва пробивался свет, растворяясь в густом, окуренном ладане воздухе. Но когда подошла Ирина, один лучик яркого полуденного солнца не веся бо какими судьбами добрался до иконы, ударил в коричневую масляную поверхность, рассыпался яркими блёстками, слепя глаза, и так же неожиданно исчез.

Ирина зажмурилась, помотав головой. Перед глазами плавали тёмные круги.

Что же могло случиться? Может батюшка заболел? Да, скорее всего, так оно и есть. Хоть он и не такой-то уж старый, с чего ему болеть?

Ирина сразу вспомнила, как у них в классе заболела Анна Андреевна, и на смену ей прислали другую учительницу. Нельзя сказать, что она была лучше или хуже, настолько по-другому она всё делала. Пожалуй, только вот эта непривычность заставляла Ирину не составлять своего собственного мнения, а потихоньку стараться привыкнуть.

Сейчас всё было совсем по-другому. Даже на клиросе пели иначе, чем раньше. Более протяжнее. И мотив совсем другой. А срывающийся голос нового батюшки... Это было не просто непривычно. Это было ПЛОХО. Настолько плохо, насколько плохо вообще могло быть.

Ирина порывисто вытащила из кармана куртки листок с исповедью и судорожно скомкала в руках. Быстро сунула его в карман, и не заметила, что листочек порхнул на пол и его тут же кто-то толкнул носком туфли под ближайшую скамейку.

Что же теперь – исповедоваться этому батюшке? Да ведь он вообще ничего не знает! Ни того, кто она такая, почему она исповедь пишет, а не говорит – вообще ничего!!!

Ирина подняла глаза. Решётке на окнах сварили неровно, правая сторона была явно выше левой. Даже для церкви не могли постараться сделать чуть-чуть поровней. И стёкла можно было бы уже помыть. Всё-таки люди в храм приходят, молятся – а вокруг такой бардак.

Вот если бы Ирина работала в церкви, она бы тут каждый день всё мыла. По несколько раз. Даже самую маленькую сориночку сдувала бы... Что же всё-таки случилось с батюшкой? Ведь другой – это намного хуже! А все стоят, молятся и будто ничего не замечают. Словно им всё равно, кто служит!

Священник чуть повернулся. Стала заметна его длинная рыжеватая борода. Или она кажется такой от солнца?

Ирина стояла перед иконой, но не видела её.

А Ольга Дмитриевна продолжала разговаривать с бабушкой, продающей свечки. Взгляд воспитательницы был направлен в сторону от собеседницы, и улыбка была слегка неестественная и даже рассеянная, как будто всё, что нужно, женщина уже узнала и дальнейшее общение было ей в тягость, закончить же разговор сразу – это было невежливо, вот и приходилось стоять, выслушивая лишние подробности.

Ирина покосилась на икону. Лик Богоматери почти не был виден, только светилась яркая звёздочка на лбу и на плече. Интересно, зачем это? Для красоты? Зато лицо младенца было видно отчётливо.

Батюшка опять чуть повернулся боком. Теперь Ирине стал виден его профиль. Девочка снова испытала разочарование, и с трудом подавила вздох.

Новый священник был молодой и... как бы это помягче сказать – немножко некрасивый. Точнее, он был не совсем молодой, однако с отцом Андреем, который был совсем дедушкой, не мог даже сравниться: лицо у него было чуть рябое, волосы цвета ржавчины, а кожа розоватая, как бывает у всех очень рыжих людей.

Ирина опять с тоской перевела взгляд на икону. Теперь ей уже не хотелось стоять перед ней, вообще находится в этом храме, не хотелось даже исповедоваться и причащаться. Ирина мечтала только об одном: прийти в группу и устроится на своём любимом месте, под кадущкой с растением.

Что тут было делать, если любимого батюшки нет?

Она до того привыкла видеть на амвоне отца Андрея, что этот новый батюшка казался ей нелепым и чужим. Так смотрелся бы, к примеру, Валерка, одень он священническое облачение и встань на амвон.

Царские врата закрыли, и батюшка начал что-то делать в алтаре.

Ирина горестно вздохнула. Так и не взглянув в последний раз на любимую икону, она принялась пробираться к центру зала – именно там собиралась очередь на исповедь. Неподающему от свечного ящика девочка остановилась. Доставать блокнот и спрашивать, что случилось с батюшкой – это было слишком долго, проще было подслушать.

Однако там и подслушивать оказалось нечего. Бабушка-свечница оказалась соседкой Ольги Дмитриевны, и они разговаривали о своих общих знакомых. Это было совсем неинтересно. Ирина отошла в сторону, отыскала Вику, которая насупленная стояла около самой двери, там, где она отпустила её руку. Девочке стало совестно. Из-за этого нового батюшки она забыла обо всём и даже про свою подругу, которая одна ходить по храму боялась.

Служба уже подходила к концу, запели «Отче наш». Люди начали, наконец, выстраиваться на исповедь. На аналое в дальнем углу храма лежало небольшое Евангелие и деревянное распятие.

Детей всегда пропускали первыми, поэтому Ирина не особенно удивилась, увидев, как Ольга Дмитриевна встала в самый конец очереди и, говоря, что она с детьми, через минуту оказалась почти самой первой. Впереди неё были только мальчик лет восьми и мама с совсем маленьким ребёнком. Таким батюшка всегда читал разрешение, прикасаясь рукой к головке и улыбаясь в бороду. Даже самые крикливые младенцы в это время замолкали и начинали улыбаться, пуская пузыри слюней большими беззубыми ртами.

Теперь же священник был другой. И всё должно было происходить совсем иначе.

Так и случилось. Всё в этот день шло не так. Ирина даже испытала приступ странного удовлетворения от того, что привычная монотонность существования нарушилась.

Батюшка задержался в алтаре, а когда вышел, Ирина потупилась. Если бы можно было, она бы не пошла ни на исповедь, ни на Причастие. Но уже ничего нельзя было поделать. Отрываться от коллектива было не принято, да и сама девочка по своему характеру была не такой, чтобы высовываться.

Конечно, она оказалась в самом конце строя из детдомовцев, и уже оттуда наблюдала, как батюшка исповедовал мальчика. Священник наклонился, прислушиваясь, лицо его было серьёзно и напряжено. Ирина, увидев это, прерывисто вздохнула. Интересно, а какое лицо у отца Андрея, когда он слушает её? Почему-то ей казалось, что он всегда немного улыбается, может быть потому, что во время исповеди всегда смотрела на него сбоку и только догадывалась, что у него на лице.

Мальчик отошёл. Маму с малышом батюшка отпустил практически сразу же. Батюшка мельком взглянул на подходящую Ольгу Дмитриевну и привычно опустил глаза в пол. То, что сказала ему женщина заставило его повнимательнее взгляделся ей в лицо, потом он обвёл глазами храм и, видимо, только теперь заметил, насколько много вокруг детей.

Ирина внимательно наблюдала за происходящим. Воспитательница что-то говорила, лицо у батюшки было так напряжено, словно он слушал исповедь, и почему-то оно мрачнело всё больше и больше. Наконец, священник тихо покачал головой.

– Что?! – Вырвалось у Ольги Дмитриевны. Это Ирина поняла по движению её губ.

Теперь уже начал говорить священник. Только Ольга Дмитриевна оказалась не столь терпеливым слушателем, она несколько раз прерывала своего собеседника, тот мягко отвечал ей и по-прежнему едва заметно покачивал головой.

И здесь что-то не заладилось! Теперь Ирина уверилась, что сегодня – самый необычный день в её жизни. Столько выходящих из рутинного ряда событий зараз никогда не происходило.

Воспитательница постепенно теряла свою уверенность. Девочка поняла это в первую очередь по жестам. Движения её рук стали суетливыми. Раньше она размахивала ладонями перед собой. Теперь словно бы хотела залезть в свою сумочку, на полпути что-то останавливало её, она теребила пуговицу своего плаща, обшлаг рукава, опять тянулась к замочку сумки... Она даже пыталась улыбаться и растягивала губы; от этого лицо приобретало необычное для воспитательницы жалобное выражение.

Так что же там в конце-то концов случилось?!

Ребята тоже сообразили, что происходит что-то странное, и притихли, глядя на батюшку. Кое-кто из них только сейчас заметил, что священник другой.

– Опочки! Это ещё кто? – Громко прошептал оказавшийся рядом Серёжа Кравцов. И, несмотря на то, что всё видел очень хорошо, привстал на цыпочки, словно это помогло бы ему понять происходящее. Потом оглянулся на стоящую рядом Ирину и пренебрежительно скривил губы.

Нашёл, у кого спрашивать, ясно говорило выражение его лица.

Ирина уже привыкла к такому отношению к себе, но всё равно ей было немножко обидно. Как будто она чем-то отличается от Машки, которую он постоянно защищает! Разве что только говорить не умеет. Но неужели к человеку надо плохо относиться только из-за этого?!

Расстроенная, девочка опустила глаза и наткнулась на взгляд Вики. В храме она всегда скучала. Иконы её не интересовали, то, что происходило в алтаре, тоже не задерживало внимания, а вот скопление людей ненадолго заинтересовывало. Сейчас она ко всему пригляделась и уже тихонько дёрнула подругу за рукав, как будто от Ирины хоть что-то зависело.

Пришлось ободряюще сжать ей ладонь. По крайней мере, Ирина очень надеялась, что Вика понимает этот жест как ободряющий. За все годы своего общения они не сказали друг другу ни слова, Ирина же была уверена, что, даже, если бы они всё это время непрерывно болтали между собой, лучше, чем сейчас, они понимать друг друга не могли.

Вика кивнула и успокоилась.

Люди в храме пришли в движение. Ирина отошла к выходу, чтобы никому не мешать и очутилась у свечного ящика вместе с Ольгой Дмитриевной, лицо которой горело от негодования.

– Идиот! – Громким шёпотом сказала она.

– Ты что, Олечка, разве на батюшку так можно? – С ужасом в голосе перебила её старушка-свечница.

«Олечка!» – Удивилась Ирина и тут же подумала, что эта бабушка, наверное, помнит, как Ольга Дмитриевна была маленькой, поэтому и называет её так странно, словно это не взрослая серьёзная женщина, а совсем маленькая девочка.

– Ну, и что с того, что дети завтракали? – Кипела воспитательница. – Говорит, отец Андрей имел такое дерзновение, а я не могу. Не допускаю, говорит, до Причастия! Мы что же, зря сюда приходили?!

Глаза её затуманились от злости, и Ирина даже вздрогнула.

Дети уже начали скучать и разбредаться по церкви. Они перешёптывались и смеялись, Оля Брайцева что-то сердито выговаривала Тихониной, а Валерка успел затеять потасовку с кем-то из местных мальчишек. Батюшка со своего места несколько раз неодобрительно взглянул на воспитательницу. Та расценила эти взгляды по-своему.

– Я подожду, – сказала она, успокаиваясь. – Он ведь понимает, что мы из детского дома. Он не может не причастить детей. К нему ведь не каждый день ТАКИХ водят.

Ирину передёрнуло от этой фразы: «ТАКИХ ВОДЯТ», и от того, каким тоном Ольга Дмитриевна сказала: «ТАКИХ». Обиднее всего это было слышать от воспитательницы, которая всегда всё делала на удивление правильно, так правильно, что иногда становилось противно до тошноты.

Она повлекла Вику в сторону. Ей стало понятно, что нужно будет ждать окончания исповеди, а народу в очереди стояло довольно много, человек пятнадцать.

Все скамейки были заняты, и, хотя девочке не хотелось садиться, какой-то мужчина, подвинувшись, уступил ей место, и она уселась, на самый краешек, устроив рядом Вику. От нечего делать она принялась наблюдать за исповедующимися.

Раньше бы она никогда не подумала, что это может быть интересно.

Исповедь – это один из таких моментов в жизни каждого человека, когда его душевные силы находятся в состоянии крайнего напряжения. Исповедующийся перестаёт контролировать выражение своих глаз, гримасы, жесты. Именно тогда он виден таким, какой он есть на самом деле.

Сначала подошла совсем молоденькая девушка в длинной тёмной юбке и фиолетовом платочке. Она была похожа на монахиню. Девушка опустилась на колени, низко-низко наклонила голову и начала глухо говорить. Батюшка кивал, хотя девушка этого видеть не могла. Когда она закончила, он задал вопрос, она ответила, он ещё что-то спросил и принялся читать разрешительную молитву. Девушка подняла лицо и тут Ирина увидела, что лицо её мокро от слёз.

Она уже отошла от аналоя, а девочка ещё долго смотрела ей вслед, по спине её бежали мурашки. Что же это она должна была такое натворить, чтобы расплакаться прямо на исповеди, при всех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.